

Агнешка Осецка

Вкус черешни

*Перевод Зинаиды Шаталовой Песни в вольном переводе
Булата Окуджавы*

Лирическая комедия в двух актах

Агнешка Осецка (1936—1997) — поэтесса, драматург, прозаик и автор песен. Дочь известного польского композитора, работавшего в жанре популярной музыки. Родилась в Варшаве. Во время Второй мировой войны, после разгрома Варшавского восстания, вместе с родителями была вывезена на принудительные работы в Австрию. В Польшу вернулась только после окончания войны. В 1956 году закончила факультет журналистики Варшавского университета. Еще в студенческие годы состоялся литературный дебют. По окончании университета в течение нескольких лет Осецка занималась журналистикой и театральной критикой. С 1955 года началось ее сотрудничество со Студенческим сатирическим театром — в качестве автора скетчей и текстов песен. Вместе с театром Осецка несколько раз побывала в Париже, где вскоре стала «своей» в кругах, близких к польскому эмигрантскому журналу «Культура».

В 1961 году Осецка получает еще одно высшее образование — диплом Высшей школы кинематографии в Лодзи. В последующие годы несколько лет работает на телевидении, затем на радио, редактором музыкально-литературных программ. В эти же годы написаны песни, которые распевала вся Польша, имя Осецкой становится необычайно популярным, ей присуждаются награды песенных фестивалей в Ополе и Сопоте. Тогда же, в 1968 году, на сцене варшавского театра «Атенеум» состоялась премьера ее первой (и самой знаменитой) пьесы «Вкус черешни», впоследствии с огромным успехом прошедшей по сценам мира. Не стала в этом смысле исключением и наша страна: спектакль по пьесе Агнешки Осецкой, с песнями Булата Окуджавы, в исполнении совсем еще молодых Олега Даля и Елены Козельковой, стал одним из заметнейших свершений московского театра «Современник» (постановка Е. Еланской, 1969 г.). 1970-е годы заполнены для Осецкой многочисленными поездками по Европе и США, два последних десятилетия ее жизни — активным сотрудничеством с фестивалями авторской песни во Вроцлаве и Ольштыне. В эти же годы она публикует в польской периодике различные произведения своей «малой прозы».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА :

ЖЕНЩИНА
МУЖЧИНА

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена представляет собой вагонное купе, а скорее — его фрагмент. На сцене сидит также небольшой оркестр.

Еще в темноте мы слышим звук едущего поезда. Этот звук затихает. В луче прожектора появляется лицо Женщины. Потом Мужчины. Отдельно. Далеко друг от друга. Хорошо бы следующие ниже стихи сопроводить чуть слышной музыкой.

МУЖЧИНА (*говорит спокойно, словно самому себе*). Ох вы муки любви — муки вечные...

ЖЕНЩИНА. Вечные...

МУЖЧИНА. Ох, вы ссоры супругов извечные...

ЖЕНЩИНА. Извечные.

МУЖЧИНА. О безумие, тигры рыжие,
грудь мою хищно рвущие, —

сжальтесь надо мной.

О деревья в лесу вековечные,

вековечные,

О ночная звезда с пути млечного,

млечного,

Убаюкайте боль проклятушую,

Одинокое сердце гнетущую, —

Сжальтесь надо мной.

Зажигается больше света. Теперь купе видно целиком.

На скамье дремлет Мужчина. Входит Женщина с небольшим чемоданом и корзиной.

ЖЕНЩИНА. Ах, здесь уже занято...

МУЖЧИНА. Да что уж там, входите... места хватит.

ЖЕНЩИНА. Вы очень любезны.

*МУЖЧИНА. А почему бы мне не быть любезным? (По-
могает ей уложить наверх чемодан, вешает ее сетку.)*

ЖЕНЩИНА (садится). Спасибо.

*Мужчина хочет что-то сказать, но она демонстративно
закрывает глаза, давая понять, что хочет вздремнуть.*

Некоторое время оба дремлют. Слышен стук поезда.

*МУЖЧИНА (словно очнувшись от дремы). Вы что-то
сказали?*

*ЖЕНЩИНА. Нет, нет. Вам показалось. Я задумалась.
(Берет сумочку, вынимает из нее сигареты, ищет спички.)*

МУЖЧИНА. Огня? (Протягивает ей горящую зажигалку.)

Женщина закуривает. С минуту оба молчат.

*Мне кажется, я вас уже видел. Когда ехал в Варшаву. На вас
было надето что-то белое или желтое...*

ЖЕНЩИНА. Правильно.

МУЖЧИНА. А вы меня помните?

ЖЕНЩИНА. Нет.

*МУЖЧИНА. Я был... ну, такой стройный брюнет с синими
глазами.*

ЖЕНЩИНА. Я ехала позавчера.

*МУЖЧИНА. Правильно. Позавчера я еще был стройным
брюнетом. С того времени я постарел.*

ЖЕНЩИНА. Нет.

МУЖЧИНА. Не постарел?

*ЖЕНЩИНА, Просто вы никогда не были стройным
брюнетом.*

МУЖЧИНА. А откуда вы знаете?

ЖЕНЩИНА. Я вас знаю.

Молчат. Стук колес.

*МУЖЧИНА (чуть игриво). Недолго же вы были в Варшаве.
Два дня, да и то не целиком... А что такое два дня для столь
изысканного города! Были вы хотя бы в Лазенковском парке?*

ЖЕНЩИНА. Нет.

МУЖЧИНА. А в опере?

ЖЕНЩИНА. Нет.

МУЖЧИНА. Но уж в «Супер-саме» вы, конечно, побывали!

ЖЕНЩИНА. Где-где?

МУЖЧИНА. В «Супер-саме» — роскошном новом магазине самообслуживания?

ЖЕНЩИНА. Я, с вашего позволения, в Варшаву не развлекаться езжу и не по магазинам бегать!

МУЖЧИНА. Понятно, по долгу службы, значит.

ЖЕНЩИНА. В некотором смысле — по службе...

МУЖЧИНА. Вентилировать то и се в центральных органах, так, что ли?

ЖЕНЩИНА. В суде, если вам угодно.

МУЖЧИНА. Вы кого-нибудь убили?

ЖЕНЩИНА. Нет, но охотно это сделала бы.

МУЖЧИНА. В таком случае, что же вы делали в суде?

ЖЕНЩИНА. Разводилась.

МУЖЧИНА. Ах, вот оно что... А почему вы развелись?

ЖЕНЩИНА. Помилуйте! Да вы что же, думаете, я стану рассказывать чужому мужчине историю своей жизни?!

Пауза.

Просто мы друг друга не любили. Впрочем, не будем говорить об этом.

МУЖЧИНА. Далеко едете?

ЖЕНЩИНА. В Щитно.

МУЖЧИНА. Забавно... Я тоже в Щитно.. Сегодня в вагоне что-то пусто, можно расположиться поудобнее, а вот в пору летних отпусков тут ужас что делается.

ЖЕНЩИНА. Мг-м...

Пауза.

МУЖЧИНА. Интересно... Думаете вы о нем?

ЖЕНЩИНА. О ком?

МУЖЧИНА. Об этом, нелюбимом...

ЖЕНЩИНА. Ну, знаете ли! Уж лучше думать о жабах. Я счастлива, что все это уже позади.

МУЖЧИНА. «Молодая женщина с квартирой, которая разошлась с мужем не по своей вине, охотно познакомится с красивым стройным брюнетом...»

ЖЕНЩИНА. Что это вы говорите, о чем?

МУЖЧИНА. Сочиняю для вас объявление в брачную газету.

ЖЕНЩИНА (*спокойно*). Вот уж никогда не повторила бы этой глупости.

МУЖЧИНА. Я тоже.

ЖЕНЩИНА. А вы уже совершали ее?

МУЖЧИНА. Да вроде бы... Видите ли, я тоже развелся.

ЖЕНЩИНА. Ну и что же вы тогда чувствовали?

МУЖЧИНА. Когда?

ЖЕНЩИНА. Когда возвращались из суда?

МУЖЧИНА. Ничего!

ЖЕНЩИНА. Ничего?

МУЖЧИНА. Ничего!

ЖЕНЩИНА. А о чем вы думали?

МУЖЧИНА. О разных вещах. Например, о местечке Черск. Там есть такие интересные развалины. Бывший княжеский замок.

ЖЕНЩИНА. Это ближе к Груйцу?

МУЖЧИНА. Нет, сразу же за горой Кальварней. С той стороны открывается изумительный вид на долину древней Вислы... Так вот, когда я возвращался после процесса, я и думал, что это такое — древняя Висла?

ЖЕНЩИНА. Все-таки это бессовестно с вашей стороны размышлять о каких-то долинах спустя пять минут после развода с любимой женщиной.

МУЖЧИНА. А я ее не любил.

ЖЕНЩИНА. Вот как?

МУЖЧИНА. Я ее уже не любил.

Пауза.

ЖЕНЩИНА. А потом?

МУЖЧИНА. Что - потом?

ЖЕНЩИНА. Что вы сделали, когда перестали думать о Черске?

МУЖЧИНА. Решил уехать.

ЖЕНЩИНА. Из того города, где вы жили?

МУЖЧИНА. Угу.

ЖЕНЩИНА. Совсем.

МУЖЧИНА. Конечно.

ЖЕНЩИНА. А ваша работа? Ну, контора или где вы там служите...

МУЖЧИНА. Я тогда не думал о работе,

ЖЕНЩИНА. А вы сказали об этом ей?

МУЖЧИНА. Да-а-а... Сказал.

Я уезжаю.

Уезжаю, прощайте, друзья. Не клоните голов виновато,

Впрочем, я уже там, в том лесу,

из которого нету возврата.

Ухожу насовсем, перед тем хлопнув дверью,

чтоб дрогнули стены...

Ты прощай, мой смешной идеал.

Допивайте вино, джентльмены.

Жить до старости, жить до седин —

это просто кощунство, ей-богу,

Ровно тридцать исполнилось мне,

и пора собираться в дорогу.

Оставляю склерозы другим, и дряхлеющий мозг,

и седины...

Лучше сразу уйти напрямик из своей золотой середины.

И хотя еще кружится бал, и громка еще музыка бала,

Умный гость собирается прочь, значит, время

прощаться настало.

Вы прощайте, пустые слова.

Извините, что так оно вышло.

В этом есть своя прелесть, друзья.

Отчего же оваций не слышно?

Женщина в одно мгновение преображается, «входит в роль» бывшей жены Мужчины. Однако это подчеркнуто «играется».

ЖЕНЩИНА. Что это за разговор «уезжаю, уезжаю»? Я даже не желаю слышать об этом, понятно? У тебя обязанности, дети, семья. Юзеку надо купить коньки. Ханка опять износила туфли, а он «уезжает»! От тебя же потом копейки не дождешься... Она вам так сказала?

МУЖЧИНА. Нет, нет... *(Словно слегка развеселившись.)* Вы ее не знаете! Надо спокойнее...

ЖЕНЩИНА *(серьезно, медленно)*. Что это значит — «я уезжаю»? Ведь у тебя есть обязанности, дети, семья... Я не хочу быть навязчивой, но... Юзек мечтает о коньках...

МУЖЧИНА. Нет, не так! Взгляните, пожалуйста, на меня! Так, так: обоприте локоть о стол. Вот здесь... Нет! Это вот как надо... *(Ставит локоть ее так, чтобы она опиралась подбородком на руку.)*

ЖЕНЩИНА. Так?

МУЖЧИНА. Да, теперь более похоже... смотрите, пожалуйста, в окно.

ЖЕНЩИНА. И долго я должна так сидеть?

МУЖЧИНА. Ну... еще немножко.

Пауза. Стук колес.

ЖЕНЩИНА *(решительно, холодно)*. Хочешь уезжать — уезжай, сделай одолжение. Никто тебя здесь не держит.

МУЖЧИНА. Вот, вот, вот! Именно так она мне и сказала.

ЖЕНЩИНА. Это ужасно... Что вы ей на это ответили?

МУЖЧИНА. Ничего. Моя голова была полна каких-то дурацких мыслей. Кажется, я думал о том, что Франция — прекрасна, а индусы почему-то питаются одним рисом. И еще бубнил в уме «Шел грек через реку, видит грек — в реке рак...» *(Закуривает.)*

ЖЕНЩИНА. О, это мне знакомо. Я лично в таких случаях пытаюсь вспомнить какую-нибудь сказку. Или напеваю мысленно песенку, Например, вот это... *(Напевает без аккомпанемента начало песни «За седьмой горой».)*

Там, за седьмой горой, там, за недоброй тучей,

Не знаю — наяву или во сне

МУЖЧИНА *(задумчиво)*. Если бы так!.. Я познакомился с нею на вечере. Это было в пятьдесят третьем, а может быть, уже в пятьдесят четвертом. На балу-маскараде.

ЖЕНЩИНА. В школе?

МУЖЧИНА. В политехническом институте... Я запомнил только какого-то китайца с длинной трубкой, Дон-Кихота, Дульцинею и японскую гейшу... А вообще-то все пришли кто в чем: в форменных рубашках Союза молодежи, в свитерах...

ЖЕНЩИНА. А вы в чем были?

МУЖЧИНА. Я был одет средневековым трубадуром. Мне очень шел этот костюм.

ЖЕНЩИНА. А ну-ка, давайте посмотрим! Возьмите, пожалуйста... *(Протягивает ему свой плащ, который висел на вешалке.)*

Мужчина набрасывает его на плечи, как пелерину, предварительно вывернув изнанкой кверху. Подкладка плаща может быть красной. Мужчина позирует, будто разглядывает себя в зеркало.

МУЖЧИНА. Та-ак... Хорошо. Пожалуй, я немного изменился с тех времен, а? Как вы думаете?

ЖЕНЩИНА. Что делать? А как она была одета, вы помните?

МУЖЧИНА. Помню. Она была принцессой из сказки.

ЖЕНЩИНА. *Понятно.* *(Стаскивает с полки свой чемодан, начинает в нем лихорадочно рыться.)*

МУЖЧИНА. Что это вы делаете?

ЖЕНЩИНА. Ищу что-нибудь, похожее на туалет принцессы из сказки... Вот, есть! *(Вынимает нарядную розовую ночную рубашку и надевает ее поверх платья.)*

МУЖЧИНА. Что это такое?

ЖЕНЩИНА. Ночная рубашка. *(Распускает по плечам заколотые до того волосы.)* Или вы думаете, что принцессы не пользовались ночными рубашками?

МУЖЧИНА. До этого я никогда не танцевал, но тут расхрабрился и пригласил ее, хотя на мне были ужасно тесные ботинки. Я их одолжил у товарища.

ЖЕНЩИНА. И вы танцевали?

МУЖЧИНА. Танцевали.

Мужчина и Женщина встают, принимают танцевальную позу, стоят без движения.

ЖЕНЩИНА. А что тогда танцевали?

МУЖЧИНА. Не знаю. Наверное, какое-нибудь танго. Или самбу. Я не разбираюсь.

ЖЕНЩИНА. Самбу в те годы еще запрещали!

МУЖЧИНА. Ну, пусть не самбу, не все ли равно.

Напевая, они исполняют что-то среднее между танцем и старомодной пантомимой – в стиле тех костюмов, которые на них надеты.

ОНА

Ах, я не так уж и прекрасна...

ОН

Тихо-ша, тихо-ша, тихо-ша...

ОНА

Чтоб все мужчины ежечасно Умирали.

И я, конечно, не икона...

ОН

Тихо-ша, тихо-ша, тихо-ша...

ОНА

Чтоб все коленопреклоненно

Кавалеры мое имя Повторяли.

Ну и не дура я, признаться.

ОН

Тихо-ша, тихо-ша, тихо-ша...

ОНА

Чтоб лишь с тобой с одним встречаться,

Хоть и дороги мне правила

Морали.

ОБА

Эта песенка так весело поется.
Или больше ничего не остается?..
То растянется она, то оборвется,
То смеется, то воркует чуть дыша...
И мотив ее, откуда он берется?
Или плакать нам с тобою доведется?
Она льется, только в руки не дается...
Тихо-ша, тихо-ша, тихо-ша...

ОН

Ах, я не так уж и прекрасен,

ОНА

Тихо-ша, тихо-ша, тихо-ша...

ОН

Чтоб всем девчонкам был опасен,
Чтоб все из-за меня они Сгорали.
И я не Хиль и не Кострица.

ОНА

Тихо-ша, тихо-ша, тихо-ша...

ОН

Чтоб по ночам девчонкам сниться...
Да нужны мне эти глупости
Едва ли...

Но я и не дурак, признаться...

ОНА

Тихо-ша, тихо-ша, тихо-ша...

ОН

Чтоб лишь с тобой одною знаться,
Хоть и дороги мне правила Морали.

Смеются. Танцуют.

После танца остаются в тех же костюмах, как бы молодеют, переносятся в атмосферу прежних лет.

ПРИНЦЕССА *(пытаясь отдышаться после танца)*. Уф-ф... А девчонки говорили, что ты не умеешь танцевать.

РЫЦАРЬ. Это кто же тебе говорил?

ПРИНЦЕССА. Елька.

РЫЦАРЬ. Елька? Вот уж кто мне совсем не нравится... Знаешь что, пойдём-ка пройдемся. *(Берет принцессу за руку.)* Ну, пойдём, не бойся. Прогуляемся. До Парка культуры и обратно.

Принцесса и Рыцарь бегут в парк. Смеются.

Рыцарь падает на землю, ложится на спину, заложив руки под голову.

Здорово здесь.

ПРИНЦЕССА *(оглядываясь вокруг)*. Тихо...

РЫЦАРЬ. Пахнет чем-то. Сеном, что ли?

ПРИНЦЕССА. Да ты что, сеном, в центре Варшавы?

РЫЦАРЬ. Ляг возле меня.

ПРИНЦЕССА. Не хочу.

РЫЦАРЬ. Ляг, ну, пожалуйста.

ПРИНЦЕССА. Ты, небось, целоваться станешь...

РЫЦАРЬ. Нет! Честное слово.

ПРИНЦЕССА. Ну ладно... *(Ложится на землю лицом вниз. Оперев голову на руки, смотрит в землю.)*

РЫЦАРЬ. Сколько звезд... Господи боже! Ты любишь смотреть на звезды?

ПРИНЦЕССА *(глядя в землю)*. Обожаю. Вон там Большая Медведица, а здесь созвездие Козерога...

РЫЦАРЬ *(не видя, что принцесса смотрит в землю)*. Ага... А теперь найдем Малую Медведицу, хочешь?

ПРИНЦЕССА. Хочу.

РЫЦАРЬ *(взглянув на нее и лишь теперь замечает, что принцесса смотрит в землю)*. Тебе нравится смотреть в землю? Ты не любишь говорить о звездах?

ПРИНЦЕССА. Любишь, не любишь, все равно все парни об этом говорят.

РЫЦАРЬ. А у тебя их много было?

ПРИНЦЕССА. Сто пятьдесят.

РЫЦАРЬ. Я же всерьез спрашиваю...

ПРИНЦЕССА. Глупый какой-то!

Пауза.

РЫЦАРЬ. Знаешь, я хотел бы поехать во Францию.

ПРИНЦЕССА. Зачем?

РЫЦАРЬ. Так... поездить. Посмотреть. Поболтать с людьми.

ПРИНЦЕССА. Ты что, ненормальный?

РЫЦАРЬ. Почему ненормальный?

ПРИНЦЕССА. Мы живем в условиях капиталистического окружения и такое братание нам совершенно ни к чему!

РЫЦАРЬ. Принцесса изволит шутить...

ПРИНЦЕССА. Что ты! Я говорю совершенно серьезно. Я бы не сумела жить в капиталистическом обществе. Просто не вынесла бы этого. Ну, подумай сам: я еду в элегантной машине и плююсь апельсинами, а рядом бедная девушка толкает тачку с камнями!

РЫЦАРЬ. Или наоборот.

ПРИНЦЕССА. Что наоборот?

РЫЦАРЬ. Она сидит в машине, а ты толкаешь тачку.

ПРИНЦЕССА. Ну, это все равно... Смотри-ка, улитка! Ой, какая маленькая и совсем меня не боится. *(Играет с улиткой.)*

РЫЦАРЬ. Французы едят улиток и пьют белое вино.

ПРИНЦЕССА. Улиток? Да ты спятил, что ли?

РЫЦАРЬ. Право слово, едят. И даже не от голода.

ПРИНЦЕССА. Кажется, ты считаешь меня полной идиоткой.

РЫЦАРЬ. Ну что ты? Они на самом деле едят улиток.

ПРИНЦЕССА. Ладно! Пусть будет по-твоему. Только смотри, если что случится... Раз французы могут, то и я смогу... *(Принцесса решительно разгрызает улитку.)* Тьфу... тьфу... Что за гадость! Тьфу... О господи, до чего же она горькая! *(Вскакивает, начинает метаться, описывая круги.)*

РЫЦАРЬ. Что... что ты сделала?

ПРИНЦЕССА. Улитку твою сожрала!!! Не видишь?
(Начинает плакать.) Ой, мамочка, это же теперь, наверное, никогда не пройдет! Вот, теперь я из-за тебя отравилась и умру! Все из-за тебя!

РЫЦАРЬ. Матка боска! Ну, не реви, не реви же! Ну, пожалуйста, перестань, я тебя прошу... (Подойдя к девушке, он обнимает ее и гладит по голове.) Сейчас все пройдет, ну, вот видишь, уже лучше, прошло, все?

Девушка всхлипывает. Вдруг как бы приходит в себя.

ПРИНЦЕССА. Может, ты думаешь, что я рева какая-нибудь?

РЫЦАРЬ. Ну что ты! Просто ты не любишь серых улиток. Это же вопрос вкуса!

ПРИНЦЕССА (в бешенстве). Дай сигаретку!

РЫЦАРЬ. Разве ты куришь?

ПРИНЦЕССА. Предположим.

Рыцарь дает ей сигарету и огня, закулив, она возвращает ему сигарету.

Держи!

Рыцарь берет у нее сигарету и некоторое время не знает, что с ней делать. Принцесса заворачивает рукав блузки и тянет руку Рыцаря с сигаретой к своему запястью.

Смотри! Можешь жечь мне руку сколько угодно! Пусть даже жареным запахнет. Я все равно не издам ни звука! Я сильный человек. Вот кончу институт и поеду строить заводы, мосты, шахты, верфи, я буду двигать горы и осушать реки, и мне не нужны никакие цветы, ни птички... ни твои улитки.
(Тянет к себе руку Рыцаря с горячей сигаретой.)

РЫЦАРЬ. Осторожно! Не обожгись!

ПРИНЦЕССА. Я еще не такие трудности преодолею, увидишь. Я буду спать по два часа в сутки, бегать в грязном плаще по строительной площадке, пусть я буду сонная, но решимости у меня хватит! Я буду падать и подниматься! Падать и подниматься.

РЫЦАРЬ. Да ты героиня! О тебе романы писать будут!

ПРИНЦЕССА. Вот еще... Я не могу быть героиней романа.

РЫЦАРЬ. А кто же, в таком случае, может?

ПРИНЦЕССА. Массы!

РЫЦАРЬ. Что еще за массы?

ПРИНЦЕССА. Массы, которые стоят у руля. Которые мотор и рычаг. Индивидуальный герой никому не нужен! *(Увлекаюсь, Принцесса делает рукой резкое движение и, коснувшись сигареты, отскакивает.)* А-яй! Ты меня обжег!

РЫЦАРЬ *(насмешливо)*. Кажется, действительно запахло жареным! Прости, пожалуйста, я не нарочно.

ПРИНЦЕССА. Это я нечаянно, я вовсе не хотела кричать. В нас еще много от старого, но новое должно победить и побеждает! Смотри!

Она вырывает у Рыцаря сигарету и изо всей силы прижимает ее к своей руке. Сжав зубы, терпит некоторое время. Потом отбрасывает сигарету. Оба молчат.

РЫЦАРЬ *(после паузы, тихо)*. Это же глупо. Сильно болит?

ПРИНЦЕССА *(тихо)*. Немножко есть.

Пауза.

РЫЦАРЬ *(вынимая перочинный нож)*. Возьми, Metall холодный приложи, может, будет не так больно.

ПРИНЦЕССА *(прикладывает к руке нож, но, еще не примиренная, возражает)*. А я хочу, чтобы было больно!

РЫЦАРЬ. Не надо.

ПРИНЦЕССА. Почему?

РЫЦАРЬ. Потому что сейчас пахнет сеном и небо такое красивое... Закурим?

ПРИНЦЕССА. Мгм...

Закуривают. Пауза.

РЫЦАРЬ. Расскажи мне о себе что-нибудь.

ПРИНЦЕССА. С датами?

РЫЦАРЬ. С датами и адресами.

ПРИНЦЕССА (подумав немного, начинает говорить, будто рассказывая самой себе).

Там, за седьмой горою, там, за недоброй тучей,
Не знаю, наяву или во сне, —
Там я смеюсь и плачу, а под окном мой рыцарь И
день и ночь мечтает обо мне,
И каждый день упрямо, и так до самой смерти,
Пришпоривает быстрого коня.
И все кусты сирени на всей земле, поверьте,
Он оборвал, он оборвал, представьте, для меня.
А он мне почти незнаком и почти неизвестен,
И может быть, этим-то, этим-то и интересен.

РЫЦАРЬ. У тебя есть парень?

ПРИНЦЕССА. Ну что ты! Это просто такая смешная сказка.
Слушай дальше. Слушаешь?

РЫЦАРЬ. Слушаю.

Оба некоторое время молчат.

ПРИНЦЕССА. Чудная я, да?

РЫЦАРЬ. Не очень. Я даже думаю, что я мог бы на тебе
жениться. Да, И представляю, как показал бы тебя моим
старикам, «Мама, — сказал бы я. — Это Зося Маевская с
третьего курса механического. Я очень хочу на ней жениться».
«Смотри за ним, — сказала бы мама. — Марек хороший
мальчик, только немного трудный...»

ПРИНЦЕССА. Ты ужасно отсталый и вообще мещанин. Я,
например, считаю брак буржуазным предрассудком.

РЫЦАРЬ. Да неужели?

ПРИНЦЕССА. Конечно: брак — всего лишь форма
социального шантажа.

РЫЦАРЬ. Это как же надо понимать?

ПРИНЦЕССА. А так и понимай. Спорить со мной
бесполезно. Не думай, я достаточно подкованная.

РЫЦАРЬ. Значит, ты не хочешь выходить замуж?

ПРИНЦЕССА. Конечно, нет.

РЫЦАРЬ. Так что же с нами будет?

ПРИНЦЕССА. А что с нами должно быть?

РЫЦАРЬ. Но ведь должно же что-нибудь с нами быть?

ПРИНЦЕССА. Не знаю...

РЫЦАРЬ. А ты подумай.

ПРИНЦЕССА. Ну... просто сойдемся да и все. Только знаешь, чтоб все было по-настоящему...

РЫЦАРЬ. По-настоящему?

ПРИНЦЕССА. Да. Ты где живешь?

РЫЦАРЬ. В общежитии.

ПРИНЦЕССА. А я у тетки.

РЫЦАРЬ. У тебя отдельная комната?

ПРИНЦЕССА. Ага. Между шкафом и комодом.

РЫЦАРЬ. Поцелуй меня.

ПРИНЦЕССА. Не хочу,

РЫЦАРЬ. Выходит, я тебе не нравлюсь?

ПРИНЦЕССА. Просто я должна к тебе привыкнуть. Я даже к собаке сперва должна привыкнуть. Я не умею так, сразу: эй, Ганек, Толек, как дела, давай пять, пошли переспать.

РЫЦАРЬ. А когда ты ко мне привыкнешь?

ПРИНЦЕССА. Во вторник.

РЫЦАРЬ. И поцелуешь меня во вторник?

ПРИНЦЕССА. Да. Я люблю тебя.

РЫЦАРЬ. Я тоже тебя люблю.

Целуются. Вдруг Женщина, перестав играть Принцессу, снимает с себя ночную рубашку. Садится, усталая.

ЖЕНЩИНА. Ну и что? Вы женились на ней?

МУЖЧИНА *(снимая плащ-пелерину)*. О да, но это длинная история. Я ужасно голоден.

ЖЕНЩИНА. Наверное, у меня еще осталось несколько . яблок. У нас в Щитно небольшой сад: две сливы, остальное все яблоны. Вот, пожалуйста... *(Вынимает из сетки яблоки.)*

Оба начинают жевать.

Нет ли у вас чего-нибудь почитать? Только что-нибудь полегче, знаете, этакое — специально для поезда.

МУЖЧИНА. Вот, пожалуйста. *(Протягивает ей книгу.)*

ЖЕНЩИНА. Юлиуш Словацкий*, «Кордиан». Неужели вы способны читать в поезде классику?

МУЖЧИНА. Нет, конечно. Но это входит в обязательную программу школьников. А в Щитно, вы же сами знае-

* Юлиуш Словацкий (1809—1849), польский поэт и драматург.

те, этих книг днем с огнем не сыщешь. Вот я и купил их в Варшаве. Прямо как вышел из суда.

ЖЕНЩИНА. У вас есть дети?

МУЖЧИНА. Есть. Двое. А у вас?

ЖЕНЩИНА. Мальчик и девочка. *(Перелистывает «Кордиана».)* Хорошие стихи. Вот послушайте, как красиво:

«Верю. Прильнув к коралловым устам,
Как к розе мотылек...»

МУЖЧИНА.

«Твоя пылает шея. А жемчуг точно льдинки на лоне из огня.

Порви его. Постой, я нить перегрызу».

ЖЕНЩИНА. Спать хочется.

МУЖЧИНА. Пожалуйста, вот мой плащ, положите его под голову. И постарайтесь заснуть,

ЖЕНЩИНА *(резко садится)*. Нет! Не могу уснуть. Голова просто лопается от боли. Уж лучше рассказывайте дальше об этой своей девушке с принципами. Много их оказалось у нее в запасе?

МУЖЧИНА. Чего много? Не понимаю.

ЖЕНЩИНА. Ну, всяких ценных мыслей, вроде того, что «брак — это буржуазный предрассудок».

МУЖЧИНА. Ах, вот вы о чем... Я даже и не заметил, когда это у нее прошло. Она была такая красивая...

ЖЕНЩИНА. Она? Красивая?

МУЖЧИНА. Ну... может, не очень; знакомые считали, что она некрасивая, но мне она всегда нравилась, даже после женитьбы. Что-то в ней было, какой-то внутренний огонек, который светился в глазах, в улыбке... И только потом...

ЖЕНЩИНА *(в тон ему)*. ...когда исчез огонек...

МУЖЧИНА. Нет. Потом, когда я понял, какой подлой она может быть, мне показалось, что она ужасно подурнела. Я отводил взгляд от ее лица, не мог на нее смотреть.

ЖЕНЩИНА. А может, вам просто захотелось смотреть на другую. На другой огонек?

МУЖЧИНА. Не в этом дело. Нет, нет, уверяю вас... Просто она была очень нехорошая, эта девушка. Подлая. Двуличная. Глупая.

ЖЕНЩИНА. Она вам изменяла?

Мужчина молчит.

Ладно, не отвечайте. Я ведь просто так... Знаете, мы еще даже Млаву не проехали. Вы были в Млаве? Я была, в командировке. Мы опоздали там на поезд, а шел дождь, и мы пошли в кафе — оно называлось не то «Красочное», не то «Сказочное»...

МУЖЧИНА. Не знаю, изменяла она мне или нет. Вообще это какое-то дурацкое слово, И старомодное вдобавок. «Изменяла». Она меня истязала! Я помню, мы как-то поехали вместе отдыхать...

ЖЕНЩИНА. На курорт?

МУЖЧИНА. Да, на курорт. Я уже работал, правда, тогда сам я еще не делал проектов, а только ошивался возле других, знаете, как это бывает поначалу... Если б я уехал из Варшавы — дело другое. Но я не хотел ехать, ждал, пока она закончит, она была уже на пятом курсе. В общем, достали мы кое-как путевку в дом отдыха. Там были очень разные люди. Это на берегу Пилицы, может, знаете, возле города Бялобжеги?

ЖЕНЩИНА. Знаю. В общем, вы отдыхали. И однажды во время завтрака явился ОН. Черные усики, модные яркие носки, на шее импортное мохнатое полотенце, темные очки, неотразимый взгляд, запах бриллиантина...

МУЖЧИНА. Что-то в этом роде. Местный культурно-массовый работник. Придумывал для нас развлечения...

ЖЕНЩИНА. Женщины, конечно, с ума сходили по нему.

МУЖЧИНА. Да, и это было отвратительно.

ЖЕНЩИНА. Почему?

МУЖЧИНА. Это было отвратительно!

ЖЕНЩИНА. Но почему? Обычно это милые, простые люди, галантные кавалеры, которые щедры на комплименты... Чего еще нужно на курорте?

МУЖЧИНА (*передразнивает*). «Чего еще нужно на курорте!» Два притопа, три прихлопа... Тьфу!

ЖЕНЩИНА. Послушайте, а может, вы просто-напросто ревновали ее?

МУЖЧИНА (*пожимает плечами*). Я только один-единственный раз слышал, как она разговаривала с ним. Они были на террасе и не могли меня видеть. Я ее не узнавал. Фу, мерзость...

ЖЕНЩИНА (*в поисках чего-то*). Сейчас, сейчас... не могу найти свою расческу... У вас есть расческа?

Мужчина подает ей расческу. Она быстро меняет прическу.

МУЖЧИНА. Что это вы?

ЖЕНЩИНА. Косички! У нее же, наверное, были косички, правда? Ну вот, теперь все в порядке. У меня должны быть где-то очки от солнца. (*Надевает очки.*) Ах да, соломенная шляпа. Соломенной у нас нет, так что будет обычная. Можно? (*Надевает висящую на вешалке шляпу Мужчины.*) Теперь немножко крема. (*Мажется.*) Так... вот я уже могу загорать. Конечно, жидкость от загара была бы лучше, но у нас ее нет, обойдемся кремом. (*Женщина постепенно меняет тон, входит в роль Девушки.*) Ну, иди, миленький, иди гуляй. Я буду на террасе. (*Принимая позу загорающей купальщицы, удобно располагается на лавке, как на лежаке. Подставляет лицо под солнечные лучи, дремлет.*)

Некоторое время оба молчат.

(*Прежним тоном.*) Ну что же вы, давайте... Я буду Она, а вы — Он. Я загораю на террасе, вы входите со стороны сада...

Мужчина встает.

Нет, не с этой стороны. Лучше слева... Вы только что искупались. Пожалуйста, возьмите что-нибудь вроде полотенца.

Мужчина набрасывает на плечи шарф и выходит напевая. С этого момента она — Девушка, а мужчина — Здисек.

ЗДИСЕК

В деревне лето не по мне!
Я гложу в сельской тишине,

Там скука меня гложет,
Ну и о том, чтоб летний зной
Встречать в квартире городской,
И речи быть не может.
И я в пансионаты выезжаю,
Массовиком служить я обожаю,
И к этой роли так привык,
Я — массовик,
Культмассовик,
Культурный я,
Культурный массовик.
Еда — утеха из утех,
У всех приезжих дам успех.
Коньяк или сухое...
А после, в стороне от масс,
Горячий шепот, томный вальс,
Слова и все такое.
Пансионатский томный бард,
Устав от карт, сыграв в бильярд,
Торопится в засаду.
В порядке тренировки чувств,
Учитывая дамский вкус,
Он кружится по саду.
Внезапно вспыхнувший рассвет
Полночный миф сведет на нет,
К чему теперь упреки?
Сама ты говорила «да»...
И краска легкая стыда
Твои покроет щеки.
Рук не тяни и не зови:
Не вечен аромат любви,
И день другой уж начат,
Еда, бильярд, колода карт
И новых чувств и встреч азарт
Передо мной маячат,
И я в пансионаты выезжаю,
Массовиком служить я обожаю.
И к этой роли так привык,
Я — массовик,
Культмассовик,

Культурный я,
Культурный массовик.

ДЕВУШКА. Здравствуйте, пан Здисек!

ЗДИСЕК. Мое вам с кисточкой! Что это вы с самого утра
решили на солнышке нежиться? А попрыгать не угодно ли?

ДЕВУШКА. Старость не радость, пан Здисек.

ЗДИСЕК. Старость не радость, курица не птица и т. д.
Гимнастика, холодный душ, на ночь согревательный ком-
прессик, который поставит красивый паренек, и все ол райт.
Придет зима, и старости нема.

ДЕВУШКА. Вашими устами только мед и пить.

ЗДИСЕК. Не только, не только, ясна пани. Ну и как, малость
купнемся, перекинемся в картишки и топ-топ на прогулочку?
(Хочет взять ее под руку.)

ДЕВУШКА. Ой, нет, нет! Сегодня нет! У меня к вам
маленькая просьба...

ЗДИСЕК. Я готов исполнить и большую!

ДЕВУШКА. Да нет, у меня совсем маленькая, малюсенькая
просьба к вам: дайте мне, пожалуйста один — о-ди-и-эн
листочек. Можно вон тот, акациевый.

ЗДИСЕК. На носик?

ДЕВУШКА. Да, а то обгорю и приду на сегодняшний вечер
для отдыхающих с помидором вместо носика. •

ЗДИСЕК. Ну уж, на такой, как у вас, носик всегда будет
спросик. *(Рвет листья.)* Вот, пожалте: один листок на прелестный
носик, второй — про запас. А для милого пана Здися —
поцелуйчик! *(Склоняется над Девушкой, наклепляет ей на нос листочек.
Потом садится рядом, обнимает ее.)* А теперь послушная девчонка
превратится в негритеночка. *(Смеется.)* А послушный мальчишек
возьмет ее за пальчик и расскажет ей сказочку. *(Поет.)*

ОН

За седьмой горой.

Там, за седьмой горою, там, за недоброй тучей.

Не знаю — наяву или во сне

Живет моя принцесса, и нет на свете лучше,

И каждый день мечтает обо мне.

И каждый день упрямо, без проволочек, кстати,

Спешу туда, в заветное жилие,
И все кусты сирени на всей земле, представьте,
Я оборвал, поверьте, для нее.

ОНА

А он мне почти незнаком и почти неизвестен;
И может быть, этим-то, этим-то и интересен.
Там, за седьмой горою, там, за недоброй тучей,
Не знаю — наяву или во сне.
Живет мой принц прекрасный, немного невезучий,
И каждый день
вздыхает обо мне.
И каждый день упрямо, и так до самой смерти,
Пришпоривает быстрого коня...
И все кусты сирени на всей земле, поверьте,
Он оборвал, представьте, для меня.

ВМЕСТЕ

А он ей почти незнаком и почти неизвестен.
И этим-то, этим-то, этим-то и интересен.

Они смеются и целуются. Этот поцелуй, как всегда, – сигнал к возвращению в «вагонную действительность». Оба серьезнеют.

ЖЕНЩИНА. А как вы реагировали на этот флирт?

МУЖЧИНА. Никак. Я спал, читал, немного пил... Вечерами уходил — вроде бы гулять по берегу, а сам сворачивал на шоссе и шел в местечко. Там был такой бар, не помню, как он называется — «На реке Пилице», что ли, или как-то похоже на это. Я там встречался с некой девицей.

ЖЕНЩИНА. Вот как!

МУЖЧИНА. Как потом выяснилось, она пела в этом баре, но сначала я этого не знал... А еще там был джаз Байо Бонго...

ЖЕНЩИНА. Джаз?! В Бялобжегах??!

МУЖЧИНА. Джаз. В Бялобжегах. Именно в этом джазе она и пела.

ЖЕНЩИНА. А как эту вашу девицу звали?

МУЖЧИНА. Моника.

ЖЕНЩИНА. Внимание! Я — Моника. Сейчас мы поболтаем. Только приведу в порядок волосы. (*Расплетает*)

косички, вынимает зеркальце, красится.) Ну вот, я пришла раньше вас и жду, пока вы появитесь. Я закуриваю, в это время вы входите и садитесь возле меня.

Женщина входит в роль Моника — девушки из бара.

МУЖЧИНА. Я опоздал... Прошу прощения.

МОНИКА *(кокетливо показывая ему свою блузку, взявшись за нее обеими руками).* Ну как, нравится?

МУЖЧИНА. Вы всегда мне нравились.

МОНИКА. Новая блузка. Нравится?

МУЖЧИНА. Красивая блузка. Вы будете что-нибудь есть?

МОНИКА. Нет.

МУЖЧИНА. Может быть, вы чего-нибудь выпьете?

МОНИКА. Шампанского с пивом, а на закуску — раки.

МУЖЧИНА. Нет, правда, Моника, что вам заказать?

МОНИКА *(воображаемому кельнеру).* Две порции водки.

МУЖЧИНА. И воды.

МОНИКА. И воды...

МУЖЧИНА. Как вам нравятся здешние места? Не правда ли, красивые окрестности?

МОНИКА. Ладно тебе дурака валять.

МУЖЧИНА. Скажите, Моника, вы отдыхаете здесь?

МОНИКА. Нет, я здесь живу. И пою. В смысле работаю в джазе.

МУЖЧИНА. Я и не знал, что вы умеете петь,

МОНИКА. Вот именно не умею! Стала бы я сидеть в этой окаянной дыре, если б умела петь, как же!

МУЖЧИНА. А где бы вы стали петь?

МОНИКА. Да где угодно, только не здесь. Терпеть не могу деревню.

МУЖЧИНА. Вы поехали бы в Варшаву?

МОНИКА. А-а... Варшава тоже деревня, только побольше... Погоди, кажется, моя очередь выступать. Ты сиди здесь, я сейчас отпою и приду обратно. *(Уходит, но, вспомнив о чем-то, возвращается.)* Платить за водку не надо. Мы с кельнером свои люди, потом сочтемся. *(Делает несколько шагов.)*

*Смена света. Лун прожектора над головами, какой бывает в дансинге.
Музыка.*

(Поэт.)

Нам парни говорят такие речи, такие речи,
Когда встречают нас:
«Что жизнь моя была до нашей встречи?
До нашей встречи?
А как ярка сейчас!
Пусть видят одиночки дилетанты, да,
дилетанты, не знавшие любви,
Как вспыхнули во мне мои таланты, мои
таланты, и жар гудит в крови.
Сейчас на подвиг я готов решиться, готов
решиться!
Пред жизнью я в долгу...
И потому жениться, да, жениться,
сейчас жениться —
Прости, но не могу!»
Нам парни говорят такие речи,
такие речи!
Все — смех и суета...
И убедить меня теперь уж нечем,
конечно, нечем:
По горло я сыта!

Моника кланяется воображаемой публике.

МУЖЧИНА. Bravo, bravo! Вы прелестно пели! Вот видите,
скоро вы сделаете карьеру.

МОНИКА. Врешь, конечно, но все равно ты симпатяга.
Пошли.

МУЖЧИНА. Что, мы уже уходим? Куда же мы пойдем?

МОНИКА. Ко мне. Ну, пошли, пошли, не строй из себя
невинного ягненка. Возьми меня под руку.

Они встают, идут, свет гаснет.

Ну, вот мы и пришли. *(Пытается открыть воображаемую дверь.)* Чертов ключ! Тихо ты, все спят. Надо пройти через комнату хозяев. Сними ботинки.

Мужчина снимает ботинки, они идут на цыпочках.

Тш-ш, разбудишь детей. Уф... Ну, наконец-то добрались. Садись. Теперь можешь говорить. Ну, скажи мне то же самое, что ты говоришь своей девушке. Порядочной девушке.

МУЖЧИНА. Теперь нет «порядочных» и «непорядочных» девушек. У тебя комплекс неполноценности.

МОНИКА *(со злостью)*. Сам ты недоделанный. И вообще, если ты собираешься меня оскорблять, так катись ты...

МУЖЧИНА. Да я же только...

МОНИКА *(примирительно)*. Ну ладно, ладно, валяй дальше, болтай...

МУЖЧИНА. У тебя прекрасные волосы. Тяжелые, рыжие, точно они разбухли от осеннего солнца... У тебя красивые руки. Тонкие и все-таки сильные...

МОНИКА. Ладно, потом доскажешь... Погасить свет?

МУЖЧИНА. Нет, не сейчас, подожди. Давай поговорим.

МОНИКА. Э-э... У меня уже пропала охота слушать.

МУЖЧИНА. Ты не любишь слушать? Сыта разговорами?

МОНИКА. Угу...

МУЖЧИНА. У тебя не очень хорошо складывалась жизнь, а?

МОНИКА. Если у тебя мать идиотка, брат хулиган, а жених мерзавец, то тут уж далеко не уедешь. Проверено точно, с ручательством.

МУЖЧИНА. Это грустно.

МОНИКА. Зато ты выглядишь счастливчиком, который только что на минуту выскочил из рая.

МУЖЧИНА. А что, это заметно?

МОНИКА. Ясно. По носу видно. Ну, расскажи хотя бы, какая там жизнь, в этом раю.

МУЖЧИНА. Паршивая.

МОНИКА. Вот тебе раз! Это почему же?

МУЖЧИНА. Да так... Но ты не огорчайся — привыкнуть все-таки можно.

МОНИКА. А возвращаться оттуда каково, а? *(Смеется.)*

МУЖЧИНА. Эх, сказал бы я тебе, что к чему, да ведь ты опять обидишься... Лучше послушай.

Ах, мне тревожно целый день, мне так тревожно.

Боюсь разрушить все, что есть неосторожно.

МОНИКА *(прерывая его, нетерпеливо)*. Знаешь, ни один мужчина не выдерживал меня больше недели...

МУЖЧИНА. Почему?

МОНИКА. Не знаю... И не один не читал мне стихов. А ты — симпатяга. Придешь завтра?

МУЖЧИНА. Нет. *(Встает.)*

МОНИКА. Не придешь?

МУЖЧИНА. Нет.

МОНИКА *(кричит)*. Тогда убирайся, слышишь! Сей момент вон!

Мужчина беспомощно пятится.

Вон отсюда! (Ударяет его по лицу и в этот момент возвращается к роли пассажирки.)

ЖЕНЩИНА. Ну, знаете ли, я не удивляюсь этой девушке. *(Отходит, стирает с губ помаду.)* Сперва вы носитесь с ней как с княжной, а потом бац — грязной тряпкой по морде! *(Поправляет волосы.)*

МУЖЧИНА. Да... возможно... Я тогда не думал о ней. Я думал о жене. О том, как сейчас вернусь домой и снова встречусь с ней в этом проклятом доме отдыха...

ЖЕНЩИНА. А когда вы пришли, она ждала вас дома?

МУЖЧИНА. Нет. Она вернулась еще позже. Весь вечер мне казалось, что моя жизнь превратилась в какую-то невыносимую дешевку. Знаете, есть такие коврики с лебедями, оленями или дикой уткой, которые тупо глядят на синее озеро...

ЖЕНЩИНА. Кто же не знает эти коврики! Мне всегда становится смешно, когда я вижу что-нибудь такое.

МУЖЧИНА. Мне тоже. Но в тот день мне казалось, что я — персонаж с такого коврика. Будто художник взял и подрисовал меня к этим фиолетовым оленям. Еще один олень.

ЖЕНЩИНА. Или дикий гусь...

МУЖЧИНА. Или дикий гусь...

ЖЕНЩИНА. Интересно, вы случайно не помните, кто из вас заговорил в ту ночь первым? Вы или она?

МУЖЧИНА. Кажется, я...

Пауза. Возвращаются к сцене в доме отдыха.

ОН. Где ты была?

ОНА. Нигде. А ты?

ОН. Тоже нигде. *(Пауза.)* А что ты делала?

ОНА. Ничего.

ОН. И как, тебе было хорошо?

ОНА. Очень.

ОН. Ты любишь его?

ОНА. Ты что, спятил?

ОН. Ты должна его любить.

ОНА. Я тебя не понимаю.

ОН. Я говорю, ты должна его любить.

ОНА. Не морочь голову! Подумаешь, курортное знакомство. Что тут особенного? Даже если что-нибудь и было, так ведь, как поется в песне, «Со скуки лютой, звереют люди...»

ОН. Молчи. Ты мне омерзительна.

ОНА. Зато ты вызываешь во мне море симпатии. Будь любезен, возьми зеркало, посмотри, как ты выглядишь.

ОН *(беря зеркало)*. Нормально. Так, так и должен выглядеть мужчина.

ОНА. «Настоящий мужчина».

ОН. Я тебя презираю.

ОНА. С чего вдруг?

ОН. Я презираю и тебя и твоего избранника. Он ничтожество.

ОНА *(вспылив)*. Ах, вот оно что! Интересно знать, почему же это ты его презираешь? По-твоему, не ничтожество только тот, кто работает с утра до ночи как последняя скотина? Только передовик механизатор или дояр-

ка-героиня? Или тот, кто нажил чахотку, подрабатывая по ночам чертежами или сочиняя стихи, а потом выбегал на мороз в пальтишке на рыбьем меху? Или работница, которая толчется по дороге на фабрику в трамвае, а потом торчит целый день в дыму и чаду? Или же учительница, которая бежит в школу учить детей, хотя в классе собачий холод, потому что отопление испортилось, а слесарь напился и не вышел на работу? Так все должно быть? Только так? А если иначе, так ты «презираешь»? Это что же, человек даже усы себе отпустить не может?

ОН. Не может.

ОНА. Не имеет права мазать волосы бриллиантином, лежать на пляже, танцевать фокстрот в дансинге?

ОН. Не имеет права.

ОНА. И в пинг-понг ему играть нельзя, и брассом плавать и с дамами о погоде говорить?

ОН. Нельзя. Нельзя. Нельзя.

ОНА. А если он иначе не хочет, не любит? А если он, живя именно так, тем не менее и мухи паршивой не обидел, что тогда? По-твоему, тоже нельзя? По-твоему, он до конца жизни не имеет права играть в пинг-понг?

ОН. Не имеет права.

ОНА (*шепотом*). По-че-му?

ОН. Потому что для взрослого человека этого слишком мало.

ОНА. А чего, по-твоему, достаточно для взрослого человека?

ОН. Жить прилично.

ОНА. Что это означает?

ОН. Жить. Жить и быть настоящим человеком.

ОНА. То есть быть передовиком, героем труда, рекордсменом?

ОН. Может, и так, хотя это необязательно. Можно даже разводить кроликов или быть пропагандистом прививок, которые делают курам. Важно хотеть чего-то. Тосковать о чем-то, к чему-то стремиться, что-то отстаивать.

ОНА. Ну, знаешь ли, если мужчины начинают слишком тосковать, женщины должны родить много детей.

ОН. Почему?

ОНА. Потому что война будет! (Она с грохотом стаскивает с верхней полки свой чемодан, бросает в него какие-то вещи, надевает на голову платок и демонстративно направляется к двери.)

ОН. Куда ты?

ОНА. К тете на блины.

ОН. Ты с ума сошла, раздевайся сию же минуту! Пол-третьего ночи! *(Пробует задержать ее.)*

ОНА *(вырываясь)*. Оставь меня!

ОН. Что ты хочешь делать?

ОНА. Я ухожу.

ОН. Куда?!

ОНА. Ты что, не понимаешь, что я ухожу совсем, навсегда? *(Кричит.)* Думаешь, я не знаю, что ты спал с этой выдрой? Поздравляю с находкой! Певичка, да нет — куплетистка из вонючего курортного кабака! Бэ-э, бэ-э! Теперь у тебя есть собственный соловей, можешь круглые сутки рассказывать ей, о чем тоскуют «настоящие мужчины». А я не гожусь для этого, я уж пойду играть в пинг-понг. Пламенный пролетарский привет! *(Выходит из купе, хлопнув дверью.)*

Оставшись один, Он задумывается, потом начинает говорить, не то обращаясь к людям, не то к самому себе.

МУЖЧИНА (прикрыв глаза).

Охотно всегда вспоминаю те годы...

Но что же, как прежде, не радуюсь я?

Но что же, как прежде, не весело сердцу,

И даже вино стало горьким, как яд?

Она тихонько открывает дверь и, стараясь не привлечь его внимание, входит в купе. В руках у нее бутылки с пивом.

Теперь Она снова пассажирка.

ЖЕНЩИНА (думая, что Мужчина спит). Послушайте... (Легонько притрагивается к его плечу.) Послушайте... Я уж думала, вы спите. Кофе у проводника нет.

МУЖЧИНА. А чай есть?

ЖЕНЩИНА. Тоже нет.

МУЖЧИНА. А что же у него есть?

ЖЕНЩИНА. Пиво. Вот я принесла.

МУЖЧИНА. Пиво? Так это же прекрасно! Обычно как раз не бывает пива! Вот спасибо!

ЖЕНЩИНА. Чем бы его открыть?..

МУЖЧИНА. Разрешите, я открою... лучше всего о дверь... (Некоторое время мучается с бутылкой, наконец открывает ее, подает Женщине.) Прошу вас.

ЖЕНЩИНА. За ваше здоровье!

Мужчина открывает вторую бутылку.

МУЖЧИНА. Ваше здоровье!

ЖЕНЩИНА. Знаете, я езжу по этой трассе уже столько лет, что иногда мне кажется — я не выдержу больше ни одной поездки, я просто взбешусь от них, а иногда — даже самой странно — это мне нравится! Особенно когда уже начинаются наши края: поезд останавливается в лесу, рядом мельница, вокруг все так приятно пахнет и воздух какой-то густой...

МУЖЧИНА. Должно быть, от запаха смолы.

ЖЕНЩИНА. Может быть... К сожалению, у нас ведь вырубают леса...

МУЖЧИНА. Разбазаривают богатство.

ЖЕНЩИНА (*пьет*). Что-то у меня даже голова закружилась от этого пива. Я и так была ужасно усталая, а тут еще этот суд, развод... Знаете, как бывает: и не хочешь, а понервничаешь, тем более, когда попадается такой адвокат, как у меня, — настоящий идиот!

МУЖЧИНА. Я разводился без адвоката.

ЖЕНЩИНА. И правильно сделали.

МУЖЧИНА. Вероятно. Я сейчас думаю совсем о другом.

ЖЕНЩИНА. О чем, если не секрет?

МУЖЧИНА. Да о том, что когда я сел в вагон, вы не хотели со мной разговаривать.

ЖЕНЩИНА. Не помню.

МУЖЧИНА. Я вас спрашивал, были ли вы в «Супер-саме».

ЖЕНЩИНА. Быть может. Не помню. Я вообще не люблю вагонных разговоров.

МУЖЧИНА. Почему же?

ЖЕНЩИНА. Потому что если уж говоришь, то говоришь о чем-нибудь. А не о том, «почем кило яблок» или «ох, мадам, у вас такие красивые глаза...»

МУЖЧИНА. То-то вы решили меня терзать вопросами!

ЖЕНЩИНА. Ничего я не решила вас терзать! Вы сами хотели говорить — вот я и начала спрашивать.

МУЖЧИНА. И что, хорошо ли я вас развлек?

ЖЕНЩИНА. Так себе.

МУЖЧИНА. А я так старался...

ЖЕНЩИНА. Вы меня раздражаете. И потом, на вас ужасный галстук.

МУЖЧИНА. Бог с ним, с галстуком.

ЖЕНЩИНА. Что значит «бог с ним!»

МУЖЧИНА. Я не придаю значения таким вещам.

ЖЕНЩИНА. Ага, инженер, передовик труда и т.д.?
Неизвестный герой?

МУЖЧИНА. Ну, хотя бы и так.

ЖЕНЩИНА. Вы по-настоящему не любите тех, кто спокойно играет в бильярд?

МУЖЧИНА. В пинг-понг.

ЖЕНЩИНА. Снимите этот галстук.

МУЖЧИНА. Не хочу.

ЖЕНЩИНА. Сейчас же снимите этот галстук! Я сама его с вас сниму! *(Хватает за галстук — он оказывается на резинке. Женщина начинает играть галстуком, хохочет.)* О господи, до чего же вы смешной! Если бы вы видели сейчас свое лицо! «Галстук у меня, может быть, и паршивый, но зато душа — гордая!» Не человек, а статуя Наполеона со скрещенными руками!

МУЖЧИНА. Перестань! (Решительно отталкивает ее руку.)

ЖЕНЩИНА. Это она купила вам этот галстук?

МУЖЧИНА. Конечно.

ЖЕНЩИНА. Куплетистка из бара?

МУЖЧИНА. Нет, моя жена...

ЖЕНЩИНА. Ах, вот оно что!.. Она что же, вернулась к вам?

МУЖЧИНА. Ха-ха! Это я вернулся к ней. Господи, до чего же я тогда ждал ее, просто весь изождался, никогда в жизни так никого на ждал!

ЖЕНЩИНА. А где вы ее нашли?

МУЖЧИНА. В деревне, на Мазурских озерах.

ЖЕНЩИНА. О, в наших краях?

МУЖЧИНА. Чуть севернее. Около Штынорта. Она ездила туда каждое лето. Сначала с подругой, потом со мной. Только один-единственный раз мы поехали в другое место — в этот окаянный дом отдыха на берегу Пилицы.

ЖЕНЩИНА. Ну-ну, вы приехали, и что?

МУЖЧИНА. А ничего. Сидел и ждал.

ЖЕНЩИНА. Ее не было дома, что ли?

МУЖЧИНА. Не было.

ЖЕНЩИНА. Наверное, пошла в лес по грибы? МУЖЧИНА.

И как это вы только догадались: она именно ходила в лес по грибы... *(Тихонько напевает.)* Побалуй, бабье лето, нас,

Не сей тоски кромешной.

Еще нам дорог каждый час

Под спелую черешней.

Двадцатый век мне поклонился с

удивленьем.

Он удивлен моим бездарным

промедленьем.

Колеса крутятся, скрипят,

не удержать,

И вообще глупо сомневаться и

гадать!

Звезда падающая!

Услышь меня!

Звезда гаснущая,

Исцели меня!

Звезда падающая,

Отпусти грехи!

Звезда гаснущая,

Обрадуй нас!

Спустя минуту дверь открывается и в купе врывается Женица, которая в эту минуту уже снова играет жену Мужчины.

Она бросается ему на шею, роняя на пол корзину с яблоками, и начинает целовать его торопливо и назойливо, как ребенок. При этом она не перестает говорить.

ОНА. Ты вернулся... Матка боска!.. Ты вернулся!.. А я так боялась, что ты... Нет, неправда, я знала... Глупый, любимый... А я-то, я-то по грибы пошла! Знаешь, уже есть рыжики и маслята, а белых почти нет. Я каждый день ходила на станцию встречать поезд. Только сегодня вот по грибы... Ты вернулся, вернулся!..

ОН. Ну, будет, будет, Зося. Хватит, не то я разревусь! Слушай, нам надо серьезно обо всем поговорить! Слышишь! Я устроился на работу.

ОНА. В Варшаве?

ОН. Нет.

ОН. Полоумный! Милый мой, шизик!

ОН. Что ты хочешь этим сказать?

ОНА. Устроился на работу в какой-то дыре и теперь боишься, что я с тобой не поеду?! Ничего ты не понимаешь! Я знаю, каково жить без тебя, теперь-то я уже знаю! Нет уж, с меня хватит! Не желаю я жить без тебя! Куда ты, туда и я, всюду с тобой буду, всюду! Поеду в самую что ни на есть глушь, хоть в шалаше да с тобой...

ОН. Поедешь, Зоська! Правда, поедешь?! *(Хватает ее на руки и носит по купе, не переставая говорить.)* Поедешь, поедешь, мы поедем вместе!

ОНА. Представляю себе: огромная турбо-шмурбо-стройка. Рабочий день — четырнадцать часов, хотя это и не по закону. Вокруг трясины и болота. Строительство надо во что бы то ни стало закончить до весны, не то турбо-шмурбо-стройка утонет в грязи! Ты ходишь простуженный, кашляешь, хрипишь, но зато как ты прекрасен: ничто не может остановить тебя! И ты шагаешь от одного места боя к другому, подбадриваешь, разъясняешь, звонишь куда-то, что-то требуешь... А я прихожу к тебе, пою тебя горячим чаем из термоса, целую тайком... *(Смеется, потом серьезнеет.)* Слушай, я на самом деле хочу этого! На самом деле!!!

ОН. Зося, не надо так. Ну к чему этот тон! И не какая это не турбо, как ее там... стройка... Вот тоже придумала название! Ох, и веселый же ты у меня заяц... А работа будет самая нормальная.

ОНА. Где?

ОН. Здесь.

ОНА (оглядывается вокруг). Здесь?

ОН. Да, здесь, на Мазурах. Недалеко. В Нидзе Рутянской.

ОНА. В Нидзе?

ОН. В Нидзе. И у тебя будет совершенно нормальная жизнь. Завод давно работает. Никаких трясин и болот... Так что будешь ходить и в кино, и в парикмахерскую, и в кафе, и, конечно, по грибы...

ОНА. И даже буду ловить на озерах рыбу...

ОН. И ходить в кафе...

ОНА. И в кино...

ОН. И в парикмахерскую...

ОНА. И на озера...

ОН. И домой...

ОНА. И домой!

ОН. И домой!

Оба смеются и целуются.

ОНА. Давай выпьем! (Берет бутылку с пивом, которое принесла в предыдущей сцене. Распивая.) За наш дом!

ОН. За наш дом!

Пьют.

ОНА. За шкаф с зеркалом!

ОН. За четыре стула и кресло!

ОНА. За столик для телевизора!

ОН. За хороших соседей!

ОНА. И за кошку и за собачку!

ОН. За хозяйку дома!

ОБА (поют и кружатся, взявшись за руки, как дети, играющие в «кто кого перекружит»).

Будет, будет дом у нас,
Кот, собачка, тарангас...

*Танцую и смеюсь, падают на лавку.
Мужчина подымается первым.*

ОН. Зоська, погоди, ну, сосредоточься на минутку! Через два часа отходит поезд. Мы поедем домой. А через неделю простимся с Варшавой и — айда в Нидзу! Я сей-

час пойду, мне надо еще кое-что сделать перед отъездом. А ты за это время сложишь вещи, попрощаешься с хозяйкой и в семь ноль две будешь с вещами на вокзале. Идет? ОНА. Идет.

ОН. Повтори все.

ОНА. Я складываю вещи, прощаюсь со всеми и в семь ноль две стою как штык на вокзале.

Двадцатый век мне поклонился с удивленьем!

Он удивлен моим бездарным промедленьем.

Колеса крутятся, скрипят, не удержать,

И в общем глупо сомневаться и гадать!

ОН

Ах, мне тревожно целый день, мне так тревожно!

Боюсь разрушить все, что есть, неосторожно,

Звезда, плывущая высоко над людьми,

Скажи мне, будем ли мы счастливы в любви?

ОНА

Звезда падающая,

Услышь меня!

Звезда падающая,

Отпусти грехи!

Звезда гаснущая,

Обрадуй нас!

АКТ ВТОРОЙ

На сцене только Женщина. Она сидит на просцениуме или сбоку — в любом месте вне купе. Лицо ее, как и в начале первого акта, выхвачено лучом прожектора.

На просцениум вбегают Мужчины с кучей всяких сумок и пакетов в руках, которые ему мешают. Он торопится, нервничает, бежит по просцениуму.

Наконец замечает сидящую Женщину.

МУЖЧИНА *(кричит)*. Зоська? Зоська! Ничего себе откальваешь номера! Да ты что, спишь, что ли? *(Заглядывает ей в глаза, трясет за плечи.)*

Женщина не двигается.

Зось, а Зось, ну, куда это годится! Я тебя ищу по всему перрону, бегаю от вагона к вагону, кидаюсь на каких-то чужих женщин, а ты как ни в чем не бывало сидишь в зале ожидания! Ну в чем дело, Зося? Где твой чемодан? Через пять минут отходит наш поезд.

ЗОСЯ. У меня нет чемодана.

МУЖЧИНА. Ну, хорошо, что-то же у тебя есть, какой-нибудь рюкзак, дорожная сумка?

ЗОСЯ. Рюкзак есть. И дорожная сумка есть.

МУЖЧИНА. Так где же они?

ЗОСЯ *(пожимает плечами)*. Дома.

МУЖЧИНА. Ну пальто-то ты хоть какое-нибудь берешь, плащ или что там еще? Не поедешь же ты так, совсем без всего...

ЗОСЯ. Конечно, нет. Просто я не еду.

МУЖЧИНА. Как не едешь? Ничего не понимаю!

ЗОСЯ. А чего здесь понимать — просто я не еду с тобой. Я остаюсь.

МУЖЧИНА. Зось, ну хватит дурака валять, через пять минут уходит поезд, а ты...

ЗОСЯ. А я не еду. Я решила купить себе розовую шляпку.

МУЖЧИНА. Там нас ждут... меня ждут! Черт возьми, я не могу их обмануть. Зоська, вот увидишь, мы там будем жить как боги, даю слово...

ЗОСЯ. Я решила купить себе розовую шляпку. А в Нидзе нет розовых шляп.

МУЖЧИНА. Я люблю тебя.

ЗОСЯ. А я хочу иметь розовую шляпку. Я остаюсь. Желая успеха. *(Поворачивается и убегает.)*

МУЖЧИНА *(вопит)*. Зося-а-а-а!..

ГОЛОС В РЕПРОДУКТОРЕ *(объявляет)*. «Пассажирский поезд до Элка через Млаву, Щитно, Ольштын отходит с седьмого пути. Просьба пассажиров занять места, закрыть двери вагонов».

Простояв еще с секунду, Мужчина кричит голосом, полным отчаяния: «Зося!» Женщина не возвращается. Гаснет свет. Слышен скрежет трогаящихся с места вагонов. Запыхавшийся,

обливающийся потом. Мужчина бежит за воображаемым поездом, наконец влетает в купе и садится, закрыв лицо руками Сумки и пакеты валяются в беспорядке. Спустя минуту в купе входит Женщина — уже в роли пассажирки. Она молча собирает и складывает вещи Мужчины.

ЖЕНЩИНА. Слушайте, а ведь она была права. Да, ли она, эта ваша жена или невеста, была права, что удрала от вас тогда на вокзале. Правильно она сделала, что не поехала с вами! Она понимала, что к чему. Нет, она мне явно нравится.

МУЖЧИНА. Вот как! А чем же она вам так понравилась, если не секрет?

ЖЕНЩИНА. А тем, что раскусила вас.

МУЖЧИНА. Раскусила? Меня? А что же во мне было раскусывать? Я ничего не таил от нее!

ЖЕНЩИНА. Таил! Зазнайство. Свое отвратительное, глупое зазнайство. Ведь вы же могли никуда не ехать? Могли. Однако ж вы поехали! Остаться из-за женщины! О нет! Это было бы слишком банально. Это не для вас! Вам надо было только одно — красоваться на пьедестале: «Скромный герой наших будней закладывает фунда мент» — и так далее, и тому подобное. Вот это да, вот это звучит, не правда ли? А то, что красивой, еще совсем молодой женщине некуда пойти, кроме рынка с магазином, что она ходит в туфлях, которые давным-давно уже не модны, что она целых шесть лет нянчит ваших детей и кормит, обстирывает, облизывает, обхаживает вас всех не покладая рук, отчего эти руки уже стали старыми, — это все вас уже не касается, это вас уже просто не интересует! Вы-то спустя эти шесть лет как ни в чем не бывало вернетесь в Варшаву, получите орден и конфетку от министра, и поплывете в пепельно-сером «вартбурге» в ночь, «нах Варшава». Но для нас, женщин, время бежит быстрее, и оно навсегда уносит самое ценное в нас — молодость. Вот так-то, уважаемый пан директор...

МУЖЧИНА. Вовсе я никакой не директор.

ЖЕНЩИНА. Не перебивайте меня! Я только хотела сказать, что за эти шесть лет у вашей жены прибавилось морщин больше, чем у вас орденов! Уж это-то наверняка!

МУЖЧИНА. Я измеряю время иначе.

ЖЕНЩИНА. Неужели? Может быть, вам известны какие-то новые способы измерения времени?

МУЖЧИНА. Да. Я считаю дни нашей умершей любви. И ими определяю время, хотя они в сто раз длиннее обычных дней.

ЖЕНЩИНА. Батюшки, да вы никак поэт! А еще обижались на свою подругу за то, что она хотела красивой жизни. Можно ведь понять, что ей хотелось сидеть в светлом красивом кафе, а не торчать у керосинки в каком-то бараке. За что же вы обиделись на нее, а?

МУЖЧИНА. Причем тут барак и керосинка, мы жили и нормальном доме. Впрочем... это не имеет значения.

ЖЕНЩИНА. Что не имеет значения, что она не поехала с вами или что вы обиделись?

МУЖЧИНА. Ни то, ни другое.

ЖЕНЩИНА. А что же имеет значение?

МУЖЧИНА (*сурово*). Я. Любовь. А она меня не любила. Если бы она меня по-настоящему любила, все было бы понятно без слов. А я больше не желаю о ней думать, меня бесит сама мысль о ней. Лучше поговорим обо мне,

ЖЕНЩИНА. Обо мне?

МУЖЧИНА. Ну да. Вот вы... вы поехали бы со мной?

ЖЕНЩИНА. Конечно.

МУЖЧИНА. Жаль, что я вас тогда не знал...

ЖЕНЩИНА (*грубо прерывая его*). Ерунда! Я пошутила. Никуда бы я с вами не поехала.

МУЖЧИНА. Я тоже шутил. Я же вам сказал, что моя любовь умерла.

ЖЕНЩИНА. А вы довольно-таки противный тип.

МУЖЧИНА. Да и вы не голубая мечта моего детства. Слишком многое вы мне напоминаете.

ЖЕНЩИНА. Значит, не так уж все умерло в вашей душе, раз вам больно.

МУЖЧИНА. Может, что-то еще и уцелело...

ЖЕНЩИНА. Вот видите! А у меня-то все уже давным-давно отболело.

МУЖЧИНА. В таком случае поделитесь опытом: что вам помогло излечиться от любви?

ЖЕНЩИНА. А то, что, в отличие от вашей невесты, я нырнула с таким вот, как вы, на самое дно жизни и была с ним там целых шесть лет.

МУЖЧИНА. Это где же — «дно жизни»?

ЖЕНЩИНА. В Клае.

МУЖЧИНА. Ну, там, может, и дно... а у нас в Нидзе...

ЖЕНЩИНА. Наверняка точно так же, как и в Клае. Я сейчас говорю только о том, что когда-то пришла на вокзал к такому же, как вы, и не удрала.

МУЖЧИНА. А хотелось удрать?

ЖЕНЩИНА. Ого! Жуть как хотелось!

МУЖЧИНА. Ну да... ну да, вам хотелось купить розовую шляпку...

ЖЕНЩИНА. Розовую и две голубые. И пуделя.

МУЖЧИНА. А знаете, я видел в Нидзе очень красивого пуделя, говорят, он породистый, даже с родословной...

ЖЕНЩИНА. Может, теперь там есть даже и красивые шляпы, но когда-то я не могла рассчитывать на это.

МУЖЧИНА. И все-таки не сбежали с вокзала?

ЖЕНЩИНА. Не сбежала.

МУЖЧИНА. Bravo! Bravo! Воистину сожалею, что не встретил вас раньше!

ЖЕНЩИНА. Ничего не браво! Я поступила как последняя дура. Если уж хотите знать, я осталась только из чувства страха. Я ужасно боялась его.

МУЖЧИНА. Боялась?! Он вам угрожал?

ЖЕНЩИНА. Ну что вы... я боялась выражения его лица. Его глаз. Его осуждения.

МУЖЧИНА. Так, понимаю.

ЖЕНЩИНА. А что бы вы сделали на его месте?

МУЖЧИНА. Ничего. То же самое, что сделал на своем. Разумеется, уехал бы.

ЖЕНЩИНА. Значит, если я вас правильно поняла, вы отказались от любимой женщины?

МУЖЧИНА. У меня не было другого выхода.

ЖЕНЩИНА. Почему же! Можно было отказаться от турбо-шмурбо-стройки.

МУЖЧИНА. Вы хотите сказать — от моих древесно-волоконистых плит? Нет, от них-то я ни за что не отказался бы!

ЖЕНЩИНА. Чудовище! Вы просто чудовище и эгоист!

МУЖЧИНА. Да, да. Конечно. Вы правы... А знаете, у меня есть предложение: давайте поменяемся ролями! До Млавы вы были прокурором — ведь вы меня обвиняли, не правда ли? И даже хотели меня убить. Ну вот. А теперь я буду прокурором. Вы — до Млавы, я — после Млавы. Идет? Теперь я буду спрашивать и обвинять.

ЖЕНЩИНА. И убивать?

МУЖЧИНА. Нет, пока только обвинять.

ЖЕНЩИНА. Во имя чего вы собираетесь обвинять?

МУЖЧИНА. Во имя настоящей любви, разумеется. Ну как, нравится?

ЖЕНЩИНА. Ладно, я готова. Начинайте...

МУЖЧИНА. Сколько-то лет назад вы пришли на варшавский вокзал и поехали со своим передовиком механизатором в его Нидзу Рутяньскую, так?

ЖЕНЩИНА. Ну, предположим.

МУЖЧИНА. Вы уже закончили тогда институт?

ЖЕНЩИНА. Да, но я не работала в Нидзе.

МУЖЧИНА. Почему?

ЖЕНЩИНА. Ну, потому что у меня были дети, дом...

МУЖЧИНА. Лжете.

ЖЕНЩИНА. Да. Я не работала, потому что не любила своей профессии.

МУЖЧИНА. Гм... а что вы закончили... политехнический?

ЖЕНЩИНА. Да. Но у меня нет способностей к технике. Я немного писала стихи, поигрывала в самодеятельности... и мне все время хотелось чего-то большего...

МУЖЧИНА. Чего же это вам хотелось?

ЖЕНЩИНА. Не знаю.

МУЖЧИНА. Вот так-то! Вы что же, не задумывались о том, чего именно хотите?

ЖЕНЩИНА. Конечно, я думала об этом, но... Сама не знаю, как это назвать. Мне хотелось чего-то большего: страстей, взрывов... Может, приключений?

МУЖЧИНА. Приключение — это лишь наше восприятие фактов. Оно — в нас самих, в нашем сознании.

ЖЕНЩИНА. Ти-ти-ти-ти-ти! Он говорил мне об этом точно то же самое!

МУЖЧИНА. Вот видите. Ну-с, а как вам с ним жилось там?

ЖЕНЩИНА. Кошмарно!

МУЖЧИНА. Ну так уж и кошмарно!

ЖЕНЩИНА. Да, кошмарно! Наша жизнь состояла из еды. Целые дни я только и делала, что готовила еду, подавала ее, мыла посуду... А наши разговоры выглядели... Будьте любезны, сядьте вон там. (Сажает своего партнера напротив и ставит на колени ему и себе большой чемодан, который будет изображать стол. На столе она раскладывает свой платок — он будет теперь изображать скатерть. Некоторое время она педантично разглаживает скатерть, потом начинает «есть».)

Мужчина тоже «ест».

Ну как, вкусно?

МУЖЧИНА. Все остыло, но есть можно. Я честно съел.

ЖЕНЩИНА. Кот тоже все съел. Прибежал, съел и убежал спать.

МУЖЧИНА. Я обращался к товарищу Потронскому, но он отказал...

ЖЕНЩИНА. Приходил почтальон, принес открыточку от Земковских...

МУЖЧИНА. Я стал звонить в высшие инстанции, и, конечно, как назло, где-то оборвался телефонный кабель...

ЖЕНЩИНА. У нас в кухне мышь завелся...

МУЖЧИНА. Не завелся, а завелась.

ЖЕНЩИНА. Нет, завелся!

МУЖЧИНА. Ну, пусть завелся.

ЖЕНЩИНА. Нет уж, пусть будет по-твоему: завелась!

МУЖЧИНА. Тогда я пожаловался в Варшаву и сказал, что меня нет в разрядке.

ЖЕНЩИНА. Я сейчас была в кухне, но его уже нет.

МУЖЧИНА. Кого?!

ЖЕНЩИНА. Мыша, который завелся.

МУЖЧИНА. Мыша нет в разрядке.

ЖЕНЩИНА. Варшавы нет в кухне, а мыша в разрядке.

МУЖЧИНА. Но я не обираюсь молчать, я буду жаловаться по инстанциям!

ЖЕНЩИНА (*пищит*). А у мыша мышата.

МУЖЧИНА. Это же безобразие: заявлять человеку, что его нет в разрядке! Нет такого закона! Человек должен быть в разрядке!

ЖЕНЩИНА. А мышь есть в разрядке?

МУЖЧИНА. Кто?

ЖЕНЩИНА. Что?

МУЖЧИНА. Кого?

ЖЕНЩИНА. Чего?

МУЖЧИНА. Не чего, а кого. Меня нет в разрядке!

ЖЕНЩИНА (*вопит*).

У мыша мышата!

У мышки — крошки,

У мышки — крошки,

У мышки — крошки,

У мышки — крошки.

За комодом, несомненно, в понедельник непременно, в пять пятнадцать, безусловно, родились они на свет.

У мышки — крошки,

У мышки — крошки,

У мышки — крошки.

Первый белый, несомненно, второй серый непременно, третий бурый, пятый хмурый, а седьмого вовсе нет.

У мышки — крошки,

У мышки — крошки,

У мышки — крошки,

У мышки — крошки.

Днем и ночью, несомненно, они плачут непременно, они пляшут, безусловно, твист, мазурку, менуэт.

У мышки — крошки,

У мышки — крошки,

У мышки — крошки,

У мышки — крошки.

Без заявки, несомненно, без прописки непременно, поселились, безусловно и на них управы нет. (*Распевая, Женщина истерически танцует чарльстон. Потом успокаивается, снова входит в роль пассажирки. Говорит.*) Вот видите, настоящий фарс, а не жизнь. Понача-

лу он строил бог знает какие планы, и я ему верила, думала — он вознесется до звезд, а он... «я обращался к товарищу Потронскому...»

МУЖЧИНА. А может, он был вынужден это делать? Если его не было в разрядке, значит, он вынужден был жаловаться. Вы-нуж-ден! Понимаете?

ЖЕНЩИНА. Может, он и был вынужден... Но это все равно не жизнь.

МУЖЧИНА. А что же, по-вашему, жизнь? Где она?

ЖЕНЩИНА. Не знаю. Где-нибудь в другом месте. Во всяком случае, не в этой дыре!

МУЖЧИНА. Жизнь, она всюду жизнь и есть, милейшая. Это только вопрос нашего воображения.

ЖЕНЩИНА. Значит, я тупая и у меня просто не хватало воображения. Но только эта вечная беготня по дому, с утра до вечера, до потери сознания... Эта стирка, варка, парка, пеленки, эти вечные насморки у мужа, эти то поносы, то запоры у детей, а их катары верхних дыхательных путей?! До чего все это мне надоело! Ничего себе «вопрос воображения»!

МУЖЧИНА. Ну, хорошо... А что бы вы хотели вместо этого делать?

ЖЕНЩИНА. Рисовать, смотреть в окно... жить настоящей жизнью, почтеннейший!

МУЖЧИНА. А чего же вам не хватало для этого? Чего- то или, может быть, кого-то?

ЖЕНЩИНА. Не все ли равно... *(Поет.)*

Гляжу на черный двор: он черен как чернила,
он черен как чернила,
он черен как чернила.
Вокруг стоит забор, изогнутый уныло,
изогнутый уныло,
изогнутый уныло.
И черных кошек хор кричит всю ночь истошно,
кричит всю ночь истошно,
кричит всю ночь истошно.
И прошлогодний сор не убран как нарочно,
не убран как нарочно.
Деревья во дворе все черные от пыли,
все черные от пыли,
все черные от пыли,

Как будто бы всегда они такими были,
они такими были.

В груди моей гудит и мечется сердечко, и
мечется сердечко, и мечется
сердечко.

Но молча выхожу на старое крылечко, на
старое крылечко.

МУЖЧИНА (*входя в роль ее мужа*). День добрый! Что ты делаешь?

ОНА. Ничего. Думаю.

ОН. О том, как бы удрать отсюда?

ОНА. Угадал.

ОН. И что? Не можешь ничего придумать?

ОНА. Не могу ничего придумать.

ОН. И тебе не стыдно?

ОНА. Стыдно? Чего это мне может быть стыдно?

ОН. Стыдно. (*Записывает.*) Двадцать седьмого... что ты перестала меня любить?

ОНА. А тебя нельзя любить. Ты холодный черствый эгоист и зануда. И ты сам меня не любишь! Да, да, не любишь и все!

ОН. Ну, зачем ты...

ОНА. Нечего делать хорошую мину при плохой игре! Ты не любишь ни меня, ни детей, ни нашего дома. Да что там «любишь» — ты его ненавидишь! Ты же сроду ничего не сделал в доме...

ОН (*выходя из роли мужа*). Извините, пожалуйста, я же не знаю, что ваш муж делал, а чего не делал дома...

ОНА. Ох, ну просто... ну, знаете, мужчины ведь всегда делают в доме разные вещи... чего-то там прибывают, чего-то ломают, потом переделывают...

ОН. А я думаю, что не он, а вы не любили своего дома. Скажите, вы помните, как он выглядел?

ОНА. Муж? Очень мне надо его помнить!

ОН. Да нет же, я спрашиваю про ваш дом. Вы помните, например, что стояло в вашей комнате?

ОНА. Ну... в Нидзе-то у нас мебели было немного: только тахта да большое зеркало. А когда мы стали жить в Щитно, барахла уже набралось полным-полно. А почему это вас интересует?

ОН. Чтобы доказать вам, что вы сами не любили своего дома. Для вас это было пристанище, а не дом. И он это чувствовал, ваш передовик механизатор...

ОНА. Послушайте, ведь я с вами честно играла, а вы взяли и вышли из роли! Мы же с вами сейчас в Нидзе. Ничего, ничего, возвращайтесь-ка опять в роль... Вот... Нынче суббота, вечер, лето. Неизвестно, что делать. Оба мыдохнем от скуки. Рыба не клюет. Подумайте с минутку, если хотите, и будем играть дальше. Например, мы сидим в саду, смотрим на наш дом. Из трубы идет дым. Дети бегут в лес, Вы смотрите куда-то вдаль...

Он декламирует припев из «Черешни».

(Резко.) Что это, ты уже сам с собой разговариваешь?

ОН. Я молюсь.

ОНА. С чего это ты вдруг стал верующим?

ОН. Я молюсь о твоей любви.

ОНА *(помолчала)*. Уедем отсюда!

ОН. Нет.

ОНА. Прошу тебя, уедем отсюда! Уедем, и я снова буду тебя любить!

ОН. Некуда нам ехать. Наш дом здесь.

ОНА. Ведь ты сам не любишь этот дом!

ОН. Но это мой дом.

ОНА. Ага, значит, ты не отрицаешь: ты не любишь этот дом!

ОН. Не люблю, потому что ты его не любишь. Но я никуда отсюда не поеду. Это наш дом. Твой и мой. И ты тоже никуда отсюда не поедешь.

ОНА. Никогда-никогда?

ОН. Нет, почему же. Мы будем ездить в отпуск в Татры, на Взморье... на Канарские острова, если посчастливится, а нет — в деревню, к тетке... Куда захочешь, туда и поедем.

ОНА. Нет, ты мне без дураков скажи, слышишь? *(Кричит.)* Без дураков: когда мы отсюда переедем?

ОН. Никогда. Человек должен где-то жить, иметь на земле свое место.

ОНА. Значит, это и есть мое место, да? Между вонючей лесопилкой и рекой, по которой плывут вниз косяки дохлой рыбы?

ОН. Вот насчет рыбы ты права. Надо, наконец, навести порядок и категорически запретить заводам...

ОНА. Я не об этом говорю! Я спрашиваю: ты считаешь, что это и есть мое место на земле?

ОН. Да, я считаю, что это и есть твое место на земле. Здесь наша работа, наш дом, сад, соседи. Здесь родились мои дети. Когда они станут старше, они поедут учиться в Щитно.

ОНА. А ты?

ОН. Я тоже поеду с ними.

ОНА. А я?

ОН. И ты поедешь с нами.

ОНА. С вами? А не в Боливию с цирковой труппой?

ОН. Ого! Ну уж нет!

ОНА. И не в Перу с киноэкспедицией?

ОН. Нет. Ничего не поделаешь.

ОНА. И не в Варшаву с министром?

ОН. Нет.

ОНА. Значит, только с тобой, в Щитно?

ОН. Конечно.

ОНА. И ничего больше ты не можешь мне предложить?

ОН. Ничего больше, но и ничего меньше.

ОНА. А я могу тебе что-то предложить?

ОН. Пожалуйста.

ОНА (вскакивает и начинает швырять на землю все, что попадает ей под руку. Кричит). Развод! Развод! Р-р-раз-вод! Я тебе могу предложить! Р-р-р-р-раз- но-од, понимаешь? (Устав кричать, она падает на лавку и с этого момента снова становится пассажиркой.)

ЖЕНЩИНА. Вот так оно у нас и было. Теперь вы сами видите — он был невыносим!

МУЖЧИНА. Это вы были несносной!

ЖЕНЩИНА. Ти-ти-ти! Посидели бы вы с ним хоть дна дня! Упрямый, холодный и вечно грустный.

МУЖЧИНА. Так он же из-за вас был грустным!

ЖЕНЩИНА. Да будет вам! Из-за меня... что ж я, такая дрянь, что ли, была! В конце концов, я же никуда не уходила после наших ссор, просто расклеивалась, и все... Шаталась из угла в угол, отворяла шкафы, проветривала

все и с утра до вечера воевала с молью. Даже когда ее не было!

МУЖЧИНА *(после паузы)*. А знаете, вот я сижу и думаю, красивая вы или уродливая?

ЖЕНЩИНА. Если судить по вашим воспоминаниям, вы любите именно таких, уродливо-красивых женщин?

МУЖЧИНА. Да. И если бы не ваш характер, вы бы мне понравились. И даже очень.

ЖЕНЩИНА. Вы тоже можете нравиться.

МУЖЧИНА. О, мы снова въехали в туннель...

ЖЕНЩИНА. Если бы не ваш характер. Но весь этот разговор ни к чему. Ни за что бы я не повторила такой глупости, как замужество.

МУЖЧИНА. Нет, нет, нет! Уж я-то этого наверняка не повторю! Это я рассуждал просто так, совершенно абстрактно. Впрочем... я вас боюсь. Я тебя боюсь — «тебя» звучит приятно.

ЖЕНЩИНА. Не стоит переходить на «ты». С этого-то и начинаются самые ужасные несчастья. *(Поют.)*

К чему нам быть на «ты»? К чему

Мы искушаем расстояние —

Милее сердцу и уму

Старинное: ты — пан, я — пани.

Какими прежде были мы!

Прекрасно, что ни говорите,

Услышать из вечерней тьмы:

«Пожалуйста, не уходите...»

Я муки адские терплю,

А нужно, в сущности, немного:

Вдруг прошептать «Я вас люблю...

Мой друг, без вас мне одиноко».

Зачем мы перешли на «ты»?

За это нам и перепало На грош

любви и простоты...

А что-то главное пропало.

МУЖЧИНА. Разумеется, не стоит, и мы не перейдем на «ты», моя почтеннейшая спутница. Это я так просто...

подумал вслух. Ведь в поезде человек чего только не ляпнет от скуки.

ЖЕНЩИНА. Особенно беседуя по дороге в Щитно с посторонней женщиной.

МУЖЧИНА. Вот именно, с посторонней женщиной.

ЖЕНЩИНА. Знаете, я как-то туго схожусь... Не умею я связываться с кем-нибудь, как говорят, «не на жизнь, а на смерть», так, чтобы позабыть все на свете... Не получается это у меня. Все равно я всегда немножко «посторонняя».

МУЖЧИНА. Ну, а с этим вашим мужем-занудой вы долго были?

ЖЕНЩИНА. Долго.

МУЖЧИНА. Пока подросли дети.

ЖЕНЩИНА. Пока дети подросли и поехали в Щитно.

МУЖЧИНА. А муж?

ЖЕНЩИНА. Он нашел работу в Щитно.

МУЖЧИНА. А вы?

ЖЕНЩИНА. А я нашла себе другого мужа, настоящего мужчину.

МУЖЧИНА. Наконец-то!

ЖЕНЩИНА. Да, наконец-то нашла, представьте себе! Однажды я поехала в Нидзу за вещами. Нам дали грузовик с работы мужа. Вдруг по дороге машина испортилась и мы застряли. Я вышла на шоссе и стала голосовать.

МУЖЧИНА. И тут вдруг, откуда не возьмись, у ваших ног бесшумно застывает серебристый «ягуар» и спрашивает сладким голосом: «Вы из Щитно или в Щитно?»

ЖЕНЩИНА. Это был не «ягуар», а «опель», к вашему сведению.

МУЖЧИНА. «Опель»? Ну что ж, тоже красиво.

ЖЕНЩИНА. И спросил он совсем не так.

МУЖЧИНА *(надевает темные очки, перебрасывает через плечо шарф). Гм... гм... (Смотрится в зеркало, поправляет волосы жестом уверенного в своей красоте мужчины.) Ну как, похож я на человека, который имеет собственный «опель»?*

ЖЕНЩИНА. Не слишком. Впрочем, вы можете сойти за владельца «опеля», но только, конечно, старого, подержанного. Пожалуйста, снимите пиджак и закатайте рука-

ва. Вот так. Вам жарко. Левый локоть выставлен в окно машины. Вот теперь все в порядке. Начинаем.

МУЖЧИНА. Так как, девочка, куда путь держим: в Щитно или из Щитно? Мне-то, собственно, все равно, куда двигать...

ЖЕНЩИНА *(тоном пассажирки)*. Нет, нет, простите... Это не то, не тот класс. Давайте-ка снова. И пожалуйста, изобразите бархатный голос.

ОН *(галантно)*. Куда прикажете, мадам?

ОНА. Мне... А вы куда едете, далеко?

ОН. С вами — хоть на край света!

ОНА. Ого, лихо звучит! А это далеко?

ОН. Со мной все близко. Можете убедиться — прошу вас, взгляните вот сюда, на спидометр.

ОНА. Неужели сто километров?

ОН. Леди! Вы что, впервые едете в нормальной машине?

ОНА. Боже, уже сто двадцать!

ОН. И как, правда веселее?

ОНА. Гм... Пожалуй, ничего... Как-то забавно даже...

ОН. Bravo, в таком случае летим дальше! *(Крутит воображаемую баранку.)*

Слышен писк резины на поворотах. Она щурит глаза, смеется.

ОНА. Здорово... У меня даже звон в ушах... здорово... *(Кричит.)* А еще быстрее нельзя?

ОН *(тоже кричит)*. Попробую!

ОНА. Я тоже хочу! Ну, хоть немножечко. Можно? Я уже водила машину,

ОН *(кричит)*. Ладно! Двум смертям не бывать. Держите руль. Нажимаю на газ и закрываю глазки...

Женщина прижимается к «шоферу», хватает воображаемый руль и крутит его непрерывно, точно едет по горной дороге крутыми поворотами. Она возбуждена, крепко сжала челюсти. Все время слышен настоящий звук мчащегося автомобиля и писк шин.

ОНА *(радостно кричит в приливе воображения)*. И рр-аз, и дд-ва... Чертовы повороты! И р-раз, и д-два...

ОН. Леди! Осторожно!!! *(Выхватывает у нее руль, слышен грохот, шум, скрежет тормозов.)*

Тишина.

Уф-ф... Итак, мы сидим на мели, то бишь на дереве. Ничего себе начало романчика!

ОНА. Боже мой... Проще пана... честное слово, я не хотела...

ОН. Не называй меня «бог», я этого терпеть не могу. Меня зовут Томаш. А тебя?

ОНА. Барбара... Слушай, я же вдрызг разбила твою машину!

ОН. Э, мелочи жизни! Завтра купим новую. Стоит ли расстраиваться из-за таких пустяков, Ну, будет тебе, будет...
(Обнимает ее.)

ОНА. Томаш, Томаш... У меня есть муж, дети, я еду домой, в Щитно. Я замужем, слышишь?

ОН. Я же тебе сказал: это все мелочи жизни. Не нервничай зря, успокойся. Лучше я тебе расскажу сказку. Вот послушай. Однажды собралось много-много бабочек. Летели они, летели, наконец, надоело им летать. А что им еще делать — они не знают. Тогда они взяли и устроили пожар. Все загорелось вокруг, пламя столбом стоит, собралась толпа, стоят все и думают: что же это такое? А это бабочки пожар устроили...

*Женщина не дает ему договорить и начинает страстно целовать его.
Успокоившись, она снова становится пассажиркой.*

ЖЕНЩИНА *(переходя в другой конец купе)*. Как видите, в конце концов я все-таки сорвалась с цепи.

МУЖЧИНА *(снимая очки)*. А что вы сказали мужу?

ЖЕНЩИНА. Ничего.

МУЖЧИНА. Неужели он даже не спросил, почему вы так поздно вернулись?

ЖЕНЩИНА. Не спросил.

МУЖЧИНА. Странно.

ЖЕНЩИНА. Да он просто не мог спросить.

МУЖЧИНА. Как это не мог, почему?

ЖЕНЩИНА. А потому, что я не вернулась. Стало быть, у него не было возможности задавать мне вопросы.

МУЖЧИНА. То есть как, вы больше никогда не вернулись домой?

ЖЕНЩИНА. Никогда.

МУЖЧИНА. А... вещи? Неужели же вы не пришли даже за вещами?

ЖЕНЩИНА. Я легко расстаюсь с вещами. У меня нет привязанности к ним.

МУЖЧИНА. А к людям?

ЖЕНЩИНА. Когда как. Вообще-то, если не считать детей, то животных я люблю больше, чем людей.

МУЖЧИНА. Я тоже. Правда, лишь с некоторых пор. А что вы сейчас делаете?

ЖЕНЩИНА (пожимая плечами). Живу.

МУЖЧИНА. Под крылышком настоящего мужчины? Этого вашего Томаша?

ЖЕНЩИНА. Ага...

МУЖЧИНА. И что?.. Получили шоферские права?

ЖЕНЩИНА. Не-е... Надо ходить на занятия, а мне лень.

МУЖЧИНА. Но вы же супруга владельца...

ЖЕНЩИНА. Да как вам сказать... Собственно говоря, этот автомобиль не наш. Так-то он вроде бы наш, а на самом деле не наш.

МУЖЧИНА. Что это значит: вроде бы наш, а на самом деле не наш?

ЖЕНЩИНА. Ну... купил его товарищ Томаша, а на свою фамилию он этого сделать не мог, так что машина числится за нами, но она не наша.

МУЖЧИНА. За настоящим мужчиной, значит, числится?

ЖЕНЩИНА. Ага.

МУЖЧИНА. А где вы живете?

ЖЕНЩИНА. Я же говорила, в Щитно. Дача у нас, знаете, такой финский домик из двух комнат.

МУЖЧИНА. Ну-ну, значит, Томек отхватил домик.

ЖЕНЩИНА *(пожимает плечами)*. Этот домик не наш, а его дяди.

МУЖЧИНА. А где же дядя?

ЖЕНЩИНА. Сидит. Я ему отправила сегодня из Варшавы посылку. Он курит только дорогие сигареты. И вот что я еще купила. Хорош мячик? Для собаки, специальный.

МУЖЧИНА. У вас есть собака?

ЖЕНЩИНА. Есть, но только не наша. Ее зовут Байо- Бонго. Нам ее оставил товарищ Томаша. Он поехал на своей яхте в Сопот и куда-то исчез. Улетучился. Как дым, как утренний туман.

МУЖЧИНА. На своей яхте поехал?

ЖЕНЩИНА. Ага.

МУЖЧИНА. А на моей яхте вы хотели бы умчаться в синие дали — кажется, это так называется?

ЖЕНЩИНА. Так. Нет, я не хотела бы мчаться на вашей яхте.

МУЖЧИНА. Вы ужасно скверная и несправедливая. Но иногда мне кажется, что я, например, мог бы мчаться на вашей яхте.

ЖЕНЩИНА. Ох, оставьте вы эти глупости. Ей-богу, вы такой же зануда, как и те двое.

МУЖЧИНА. Стоп, стоп! Перед нами раскрываются новые подробности! Значит, настоящий мужчина тоже оказался занудой, как и герой труженик? Но ведь он был таким очаровательным там, на шоссе, так галантен, находчив — просто мечта детства, душа, не человек!

ЖЕНЩИНА. Тогда, на шоссе! Посмотрели бы вы на эту душу потом, когда ее воротило с похмелья. Хотите, сыграем в «похмелье»?

МУЖЧИНА (*серьезно*). Не знаю. Что-то мне не хочется играть с вами в такую игру.

ЖЕНЩИНА. Э-э, игра есть игра. Итак, вы Томаш. Вы сидите за столом или на кровати. Это все равно. Сжимаете обеими руками голову. Вот так. Внимание: я подхожу и хочу вас раздеть.

МУЖЧИНА. Раздеть?!

ЖЕНЩИНА. Ну да. Я хочу вас раздеть и положить в кровать. Вы спите сидя, у вас болит голова. Вы спите...

МУЖЧИНА (*изображая пьяного. Поет*). «Я по-гна-ался за со-олн-цем...» Н-ну... что, что ты со мной делаешь... Отвяжись, говорю! Гос-па-да, г-гис-па-да, спокойно! Спокойненько, говорю! Я вам не заяц какой-нибудь. (*Поет.*) «Шла девочка до лясечка...» Эй, все! Вни-и-и-ма- ние! (*Узнает ее.*) А? эт-то ты... Понятно. Привет. Слушай, а ты знаешь такой анекдот. Однажды муж возвращается

домой после встречи с приятелями. Соображаешь? Смотрит на часы: елки зеленые, два часа ночи! А часы-то у них были с кукушкой, вот кукушка поет: ку-ку, ку-ку, два раза, значит, кукукнула, потому что два часа было. А этот муж взял да и докуковал еще девять раз. Вместе-то одиннадцать и получается: жена, мол, наверное, проснулась, пусть думает, что еще только одиннадцать часов. Лег он спать, значит, встает утром, а жена и говорит: «Знаешь, милый, до чего же у нас кукушка странная стала! Нынче ночью в два часа она прокуковала два раза, потом облевала всю кухню и как ни в чем не бывало прокуковала еще девять раз...» Хах-ха-ха, как ни в чем не бывало, соображаешь? Ха-ха-ха... *(Заливается смехом.)*

ЖЕНЩИНА *(тихо)*. Глупый у тебя анекдот, ой какой глупый!

МУЖЧИНА *(взбешенный)*. Что ты сказала?!

ЖЕНЩИНА. Говорю, глупый у тебя анекдот.

МУЖЧИНА. Ах, вот как, глупый, да? Не нравится тебе, да? Ты... ты... бездарь! Кто из тебя человека, жен-щи- ну, сделал, пигалица ты такая, я или он, этот инженеришка с лесопилки, которого ты не можешь забыть? Ну, отвечай! Кто сделал из тебя светскую даму?! *(Последние фразы он выкрикивает в приступе хмельной ярости. Не находя иного выхода для этой ярости, он хватается Женщину за волосы, изо всей силы тянет ее к себе, потом держит ее за шиворот так крепко, что она не может шевельнуться.)*

ЖЕНЩИНА. Томаш, пусти.

МУЖЧИНА. Не выражайся, все равно не поможет. Ну, отвечай: кто сделал из тебя светскую даму? Ну, кто?

ЖЕНЩИНА. Ты, Томаш, ну, конечно, ты. Пусти, Томаш, я тебя прошу, я больше не буду. *(Целует его руку.)*

МУЖЧИНА *(внезапно возвращаясь в роль пассажира, отходит от нее на несколько шагов, поворачивается к ней спиной, говорит тихо, но решительно)*. Зося, я больше не играю.

ОНА *(тихо, серьезно)*. Почему?

ОН. Не могу я в это играть.

ЗОСЯ. Так зачем же ты начинал?

ОН. Думал, что смогу, а вот...

ЗОСЯ. Марек, уходи отсюда. Забери свои вещи и перейди в другое купе.

Стоят спиной друг к другу.

Ну, уйди, пожалуйста, собери вещи и уйди. Я не буду на тебя смотреть.

МАРЕК. Почему?

ЗОСЯ. Откуда я знаю, почему, не могу и все! *(Кричит.)*
Уходи! Уходи, или я позову проводника.

МАРЕК. Успокойся, Зося. Все равно ведь я никуда отсюда не пойду. Если уж ты так хочешь, то я продолжу игру. Пожалуйста: «Итак, минуту назад, почтеннейшая, вы сообщили о том, что второй супруг не раз основательно колотил вас!...»
(Садится.)

ЗОСЯ *(плачет)*. Я уже не могу играть.

МАРЕК *(спокойно)*. Кто выдумал эту глупую игру, я или ты?

ЗОСЯ. Я.

МАРЕК. А зачем?

ЗОСЯ. Потому что не сумела придумать ничего другого.

МАРЕК. Не сумела!

ЗОСЯ. Да, не сумела. Сколько... времени прошло?! Двенадцать часов? Вот двенадцать часов назад мы вышли из суда. Я с тобой развелась.

МАРЕК. И я с тобой.

ЗОСЯ. И я не думала, что мы еще встретимся.

МАРЕК. Я тоже не думал.

ЗОСЯ. Я не хотела тебя видеть.

МАРЕК. Я тоже не хотел тебя видеть.

ЗОСЯ. Так зачем же ты полез в этот вагон?

МАРЕК. А ты зачем сюда полезла?

ЗОСЯ. Я думала, ты будешь вести себя как джентльмен.

МАРЕК. То есть ты поедешь, а я буду два дня ждать следующего поезда?

ЗОСЯ. Да-а...

МАРЕК. Ну, знаешь, об этом я не подумал.

ЗОСЯ. Как я вошла в это купе, я так растерялась, так растерялась... Ну, просто не знала, что мне делать. Я же

на тебя смотреть не хотела, и не хотела, чтоб ты на меня смотрел. Ты нарочно сюда сел?

МАРЕК. Нет.

ЗОСЯ. Когда ты заговорил со мной, как с посторонней, я почувствовала облегчение, я надеялась, что сумею что-нибудь придумать.

МАРЕК. Что, например?

ЗОСЯ. Ну... как удрать отсюда. Я никак не могла придумать, как бы удрать.

МАРЕК. И затеяла эту игру? Все это представление в лицах?

ЗОСЯ. А это уже ты придумал.

МАРЕК. Нет, ты придумала.

ЗОСЯ. А я тебе говорю, что ты.

МАРЕК. Ну ладно, пусть я. Но играли-то мы оба.

ЗОСЯ. Да! Но ты нарушил правила игры, вдруг взял и обратился ко мне обычным голосом и... сказал — Зося.

МАРЕК. Да, я сказал — Зося.

ЗОСЯ. А зачем?

МАРЕК. Просто не выдержал. Не мог слышать, как ты говоришь о других мужчинах.

ЗОСЯ. А я могла выдержать? Могла слышать, когда ты говорил о других женщинах?!

МАРЕК. Я все время говорил об одной женщине. Запомни: все время об одной женщине.

ЗОСЯ. О ком же?

МАРЕК. О тебе.

ЗОСЯ. А эта девица из бара в Бялобжегах?

МАРЕК. Это тоже ты.

ЗОСЯ. Вот спасибо!

МАРЕК. Да. Ты была и той, и другой, и третьей! Мы живем вместе уже десять лет. Десять лет! Это срок. Милая, десять лет! Сколько своих обликов ты открыла передо мной за эти годы. Ты и сама не знаешь. А сколько утаила...

ЗОСЯ. С этим культурником из дома отдыха у меня вовсе ничего не было.

МАРЕК. Знаю. Но ведь могло и быть. Ты была ужасна там, в этом доме отдыха. У тебя был тяжелый приступ плохого вкуса.

ЗОСЯ. А эта девушка, та, что не поехала с тобой? Это тоже я?

МАРЕК. Конечно.

ЗОСЯ. Но ведь я поехала!

МАРЕК. Поехала. Но ты не хотела ехать. И поэтому потом было так плохо.

ЗОСЯ. Было? Сейчас ничуть не лучше.

МАРЕК. Ну, теперь-то ведь мы в разводе! Кстати, почему ты так жаждала этого развода? Ты уезжаешь куда-нибудь? Выходишь замуж за Томаша? Идешь в монастырь?

ЗОСЯ. Нет. Просто я больше не могла выдержать этой жизни с тобой.

МАРЕК. Понятно. Я тоже не могу больше тебя выдержать. Но разве это причина для развода?

ЗОСЯ. Слушай, ты что, уже хочешь вернуться ко мне? Через пять минут после того, как вышел из суда?

МАРЕК. Нет. Я не хочу к тебе вернуться. Но мне почему-то вспомнилась одна старая песенка. *(Напевает.)*

Ах, бабье лето, погоди,
Не сей печали загодя,
Ведь нас еще к себе манит Спелой
черешни ягода...

К чему ж ты нитью паутин
Опутало наш садик?
Коль не пропал в нас аппетит
И вкус черешни сладок?

ЗОСЯ. Знаю я эту песенку. Не помню даже откуда.

МАРЕК. Я хотел бы на тебе жениться.

ЗОСЯ. Что-о-о?!

МАРЕК. Я хотел бы на тебе жениться.

ЗОСЯ. Но я же не могу тебя выдержать!

МАРЕК. Ты уже говорила это. Но подумай сама: зачем насильно тащить в нашу жизнь осень? Может, у нас еще только десятое июня!

ЗОСЯ. Или пятнадцатое.

МАРЕК. Или пятнадцатое.

ЗОСЯ. Это я и сама понимаю, Марек. Но ведь у нас уже наступила осень. Ну, ты посмотри на нее, взгляни на

меня, взгляни на себя в зеркало, оглянись вокруг. Это на самом деле осень.

МАРЕК. Да, это осень, ну и что?

Гаснут-гаснут костры. Спит картошка в золе.
Будет долгая ночь на холодной земле,
И студеное утро займется,
И сюда уж никто не вернется.

Без листвы и тепла как природа жалка!
Поредела толпа у пивного ларька,
Продавщица глядит сиротливо,
И не допито черное пиво.

Ах, пане, панове, тепла нет ни на грош,
Что было, то было, того уж не вернешь!

Как теряют деревья остатки одежд,
Словно нет у деревьев на лето надежд.
Только я пока нежно любила,
И любовь не прошла еще мимо.

Но маячит уже карнавала конец,
Лист осенний летит, как разлуки гонец,
И в природе все как-то тревожно,
И мой милый глядит осторожно.

Ах, пане, панове, тепла нет ни на грош,
Что было, то было, того уж не вернешь!

«До свиданья, мой милый, — скажу я ему, —
Вот и лету конец, все одно к одному.
Я тебя слишком сильно любила,
Потому про разлуку забыла».

Грустных слов от него услышать не боюсь!
Он воспитан на самый изысканный вкус,
Он щеки моей нежно коснется,
Но, конечно, уже не вернется.

Ах, пане, панове, тепла нет ни на грош,
Что было, то было, того уж не вернешь!

МАРЕК. Ты веришь в это?
ЗОСЯ. Во что?
МАРЕК. Ну, в то, что прежнего уже не воротишь?
ЗОСЯ. Да. А если что и вернется, то только то, что нас
отталкивало друг от друга. С этим ничего не поделаешь.
МАРЕК. Так уж ничего не поделаешь?
ЗОСЯ. Ну... не знаю.
МАРЕК. А я знаю.
ЗОСЯ. Что ты знаешь?
МАРЕК. Как все будет. Вот послушай, Ну, иди сюда,
послушай.
ОН. Август приехал.
Приехал август на возу, на свежем сене,
Постой под окнами хотя б еще мгновенье!
Но колокольчики-бубенчики гремят О том, что дни
безостановочно летят.

ОНА

Двадцатый век мне поклонился с удивленьем:
Он удивлен моим бездарным промедленьем!
Колеса крутятся, скрипят, не удержать.
И, в общем, глупо сомневаться и гадать.

ОБА

Звезда падающая,
Услышь меня!
Звезда гаснущая,
Исцели меня!

ОНА

Ах, мне тревожно целый день, мне так тревожно. Боюсь
разрушить все, что есть, неосторожно. Звезда, высоко
над людьми,
Скажи мне: буду ли я счастлива в любви!

ОБА

Звезда падающая,
Отпусти грехи!
Звезда гаснущая,
Обрадуй нас!

ОНА

Хоть бабье лето как костер еще пылает,
А все равно меня простуда донимает.
Приехал август, и сентябрь — впереди,
Не охлади меня, природа. Погоди!

ОН

Побалуй, бабье лето, нас,
Не сей тоски кромешной.
Еще нам дорог каждый час
Под спелую черешней.

ОНА

Звезда падающая,
Услышь меня!
Звезда гаснущая,
Исцели меня!

ЗОСЯ (*прижимаясь к нему*). Марек, могу я тебя попросить о чем-то?

МАРЕК. Конечно, милая! Я тебя слушаю,

ЗОСЯ. Марек, уедем отсюда, ладно?

МАРЕК. Куда?

ЗОСЯ. В Варшаву.

МАРЕК. Нет.

ЗОСЯ. Ну почему?

МАРЕК. Потому что наше место здесь.

ЗОСЯ. Значит, опять в Щитно?

МАРЕК. Значит, в Щитно. Опять. Сначала.

Поезд с грохотом влетает в туннель. Темнота. Актеры исчезают.

